

НАШИ ТАМ

ХРАМ СЕРДЦА

ЮЛИЯ БАЖОВА

СЕТИ

Юлия Бажова

Сети

Серия «Храм сердца», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4994882

Бажова Юлия Сети: ЗАО Издательство Центрполиграф; Москва;

2013

ISBN 978-5-227-04132-6

Аннотация

Зеленый плодородный мир людей стал лакомым кусочком для враждующих рас падших полубогов – Суров и Асуров. Суры выступают защитниками рода людского, но на самом деле ими, как и теми, кого они считают демонами, движет жажда власти. Морган, воин-Сур, спасая от гибели дочь высокопоставленного священника, случайно нападает на след третьей силы, претендующей на власть. Коварная и многоликая, эта сила подчинила себе полмира. В ее распоряжении древние технологии и магические способности, которые Сурам и не снились. И никто о ней ничего не знает. Фактически в одиночку Морган вступает в опасную игру. Чувства, вспыхнувшие к девушке, заставляют его идти против устоев своего народа. Он теряет все, обретая взамен лишь самого себя. Дважды проходит врата смерти, прежде чем распутывает зловещий клубок интриг, сплетенный темным гением власти.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	55
Глава 4	94
Глава 5	120
Глава 6	138
Глава 7	160
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Юлия Бажова

Сети

Глава 1

Издали донесся глухой рокот, и Морган с удивлением приоткрыл глаза: не поздновато ли для грозы? Слева над верхушками деревьев зловеще громоздились свинцовые тучи с разлохмаченными краями. Все остальное небо было чистым. Листва берез сверкала золотом на фоне темной зелени сосен. Разбросанные по скошенному лугу скирды тенями поворачивали день к началу вечера.

— Осенняя гроза — долгая теплая осень, — вполголоса произнесли за спиной.

— Неплохо бы. — Морган поправил висящий за плечом лук и погрузился в свое прежнее состояние, со стороны кажущееся дремой. Здесь нет ни крутых склонов, изобилующих булыжниками, ни узких переходов над пропастями с острыми пиками скал и горячими озерами на дне, ни коварных ущелий, а сверху, кроме воды, на голову ничего не упадет. Можно ехать, ориентируясь только на Дар. Солнце еще пригревает, влажные струи воздуха приятно остужают лицо, пьянят ароматом сена и преющей листвы. Дивное время года. Уже не лето, еще не осень. Дома межсезонья не бывает. Утрен-

ние заморозки серебрят траву и листву деревьев уже в конце августа. Последние летние дожди, затяжные и надоедливые, проходят с ураганами. Вслед за ними наступает ясный холодный сентябрь, а в середине октября выпадает снег и лежит до мая.

Яркий огонек, который мельтешил перед внутренним взором с момента, как они три часа назад прошли врата, в очередной раз начал приближаться. Морган мысленно попрощался с тишиной на ближайшие полчаса. Осенние краски вновь запестрели перед глазами. Из зарослей, окружающих луг, выскочило зеркальное отражение его далекой, не хлебнувшей еще горечи юности. Поравнявшись с ним, сестра резко осадилла лошадь и воскликнула:

– Почему бы нам с дикарями не поменяться мирами?

Морган переглянулся с напарником. Полуоткрытый рот, одуревшие, распахнутые во всю ширь глаза и возглас, который вырывается почти у всех молодых воинов, впервые попавших в мир, где каждый дюйм земли покрыт зеленью, а плоская местность не заканчивается прежде, чем ты полминуты проскачешь галопом. Бо потер подбородок и рассмеялся:

– Потому что у тебя не хватит терпения от рассвета до заката ковыряться в земле кверху задницей.

Имандра игриво потрянула короткими темными кудрями.

– Бо, ты меня нарисуешь?

– Ты спрашиваешь об этом в пятый раз. Узнай сперва, съе-

добное или нет! – Морган выбил из руки сестры гроздь снежноягодника, которую она намеревалась то ли лизнуть, то ли попробовать на вкус. – И хватит нарезать круги. Лошадь загонишь. Прокатись лучше до Тайнера: что он там думает насчет разделиться.

Его слова благополучно просвистели мимо ее ушей. Имандра продолжала осаждать Бо:

– Когда же, наконец, мы найдем Асура?

– Можно проболтаться полгода года, дорогуша, и не обнаружить ни твари. А потом они вдруг начинают вылезать пачками.

– Громадные, мохнатые, с длинной шеей и маленькой башкой, которая нужна только затем, чтобы жрать? Папа делал из них чучела и развешивал на деревьях, а мы по ним стреляли, пока от них не оставались лохмотья.

– Это, милая моя, преты, – мягко поправил ее Бо прежде, чем Морган успел пустить шпильку в адрес интеллектуальных способностей сестры и напомнить, что стрелять по тем чучелам она могла разве что в воображении, из мамкиного животика. – У Асуров нет физических тел. Наш Дар воспринимает их как скопление темных шаров и щупалец. Оно может сжиматься, растягиваться, принимать разные формы, – с буйволиным терпением начал объяснять Бо. – Построить собственную материальную оболочку Асуры не способны, поэтому они внедряются в Манну сначала одного человека, потом двух, трех, десяти. Получается эдакая сеть наподо-

бие муравьиного сообщества. Один разум с множеством тел, в каждом из которых он одновременно присутствует. Асур владеет всеми знаниями своего раба, полностью контролирует его волю, диктует ему поведение, но никак иначе проявить себя в мире материи он не может. Это чисто духовная сущность. Такие вещи, как обоняние, осязание, физическое зрение, слух, вкусовые ощущения, Асуру неведомы, как неведомы любовь, радость, гнев...

– Скуотища, – ввернул Морган. – Даже не подроочишь.

Его слова вызвали истерическое хихиканье. Кобыла, напуганная звуками, издаваемыми ее хозяйкой, шарахнулась в сторону. Имандра еле удержалась в седле.

– Единственным стремлением Асура является власть, – продолжил Бо, кривясь от смеха. – Земная власть. Именно для этого ему нужны тела. И чужая Манна, чтобы усиливать свой Дар, плести все большие и большие сети и надеяться когда-нибудь обзавестись собственным телом, какое было у древних полубогов.

– А в претов они подселяются?

– Преты слишком примитивны. Они думают лишь о том, как набить вечно голодный желудок. Асур цепляется за тех, в ком находит родственные стремления. Стремление к власти в мире материи – это стремление более высокого порядка, присущее высокоразвитым существам.

– Тогда их целью должны быть мы, а не дикари.

– Так и есть, дружок, – рассмеялся Бо. – Но подчинить нас

у них кишка тонка.

Глядя на его улыбку, Морган невольно растянул губы. На мгновение. Потом придал своему лицу суровое выражение и рыкнул:

– Давно уши не чистила? Марш к Тайнеру!

Имандра скорчила капризную гримаску:

– Он далеко. Я его не чувствую.

– А ты тренируйся. Иначе Асур высосет тебя, как паук муху, прежде, чем ты его увидишь. – Морган прикинул расстояние до командира: чуть больше мили. – Давай-давай, сосредоточься. Не найдешь Тайнера, отправлю в его половину отряда, и тогда Бо тебя не нарисует.

– Не отправишь. – Имандра обогнала их на несколько ярдов. Развернув кобылу, загарцевала на месте. В воздухе повис ехидный оскал. – Я слышала, как ты клялся мамусику, что будешь за мной присматривать. – И понеслась галопом вперед, разбрызгивая во все стороны фонтаны грязи, будто специально выбирала лужи поглубже.

– Задаст жару зверушкам, – со смехом кивнул Бо ей вслед. Морган зловеще осклабился:

– Сперва она задаст жару нам. Я раз двадцать рассказывал ей про Асуров. У нее пустота между ушами. Пока нос к носу не столкнется, толку от твоих лекций не будет. Кстати... – Он многозначительно взглянул на Бо. – Не советую рисовать ее перед сном.

Луг перешел в осиновый молодняк. Тележная колея, по

которой они ехали, сворачивала налево и, извиваясь, терялась среди деревьев. Всадники покинули ее, направив коней в ложбину. Перешли вброд широкий коричневый поток, несший лесной мусор и обрывки грязно-желтой пены. Дальше путь лежал в глубь леса, по едва заметной стежке.

– Когда свадьба-то? – спросил Бо.

– Чья? – не понял Морган. «Ах да...» С некоторых пор он выработал привычку, покидая родной мир, забывать о домашних дрязгах, и скандальная история мести сестры за измену, дошедшая до разбирательства на Совете старейшин, уже мирно покоилась в темных уголках памяти. – Никогда. Има на Совете пригрозила, что обстреляет его еще раз, но уже с закрытыми глазами.

– И Совет поверил?

Морган криво усмехнулся:

– Поверил Керн. Его мамашу аж перекосило от злости. Нажили врагов. Теперь их клан пожизненно будет нас ненавидеть. Хара и Мелисса в голос утверждают, что у парня в течение года все восстановится само собой. А нет – нам придется искать другого целителя. *Мне* придется, – поправился он. – Я же крайний. Грохнуть парня по башке, а потом распять голышом между деревьями и выпустить полколчана боевых стрел, целясь ему в яйца, – мать считает, что только мой извращенный ум мог породить такую чудовищную идею.

– Чисто женская тактика.

– Я ей так и сказал. Лучше б молчал. Пока мы возвраща-

лись с Совета, она вспомнила все мои провинности, начиная с той, когда я в пять лет нассал ей в сапоги.

Бо затрясся в беззвучном смехе, одной рукой держа поводья, а другой поправляя стянутый лентой длинный густой пучок каштановых волос на затылке – единственную растительность на идеально выбритом загорелом черепе.

– А я решил, что все тип-топ, раз Тайнер поставил их на парниками, – сказал он, отсмеявшись. – Физиономии у детишек довольные, ты молчишь.

– Это не Тайнер. Это Иллас. В наказание.

– Мудро, – с одобрением кивнул Бо. – Повзрослеет – остынет. В отряде это быстро происходит. Притрусся.

Морган с сомнением пожал плечами:

– Мать собирается оспаривать решение Совета. И не корчи таких удивленных рож. Она недовольна, что любимое чадо отправилось в отряд на полгода раньше положенного. И что оно вообще туда отправилось. Но поскольку виноватый я, а Илласа она побаивается, то я и должен подавать апелляцию. Так что у нас дома назревает новая война.

Бо в ответ сочувственно мотнул головой, похлопал его по плечу.

– Нашла, – сообщил Морган весть, посланную ему Даром. – Может ведь, лентяйка, когда пинка дадут. Наши остановились в обычном месте. Еще миля, и разбегаемся.

На мшистую поляну, надежно укрытую со всех сторон высокими деревьями, Морган и Бо прибыли в числе последних.

Тридцать восемь воинов расселись в круг. Короткая молитва нестройным хором, быстрый перекус и снова по седлам. К Моргану подъехал обритый наголо носатый здоровяк с квадратным лицом.

– Хаурангъя. – Пожелание небесной удачи на языке младших богов.

– Хаурангъя, – откликнулся Морган. – У Лосинога Брода? Тайнер моргнул в подтверждение и скороговоркой добавил воодушевляющую фразу на самом простом и доходчивом наречии. Они дважды обменялись перекрестными рукопожатиями. То же самое Морган проделал с сопровождающей командира черноволосой женщиной с орлиным лицом – его вторым советником и несколькими приятелями, с которыми предстоит расстаться на шесть дней. В считанные секунды поляна опустела. Тайнер повел свою половину отряда на север, Морган взял западнее – хорошо знакомый маршрут, который с незначительными изменениями его отряд проделывает каждые три-четыре месяца. Две мили до реки они будут держаться вместе, а за мостом разбредутся: опытные воины – поодиночке, молодежь – по парам.

Разделяться, пересекаться в условленном месте для обмена информацией и вновь разделяться – обычная тактика в походах. Если отряд большой, командир отдает его часть на попечение одного из советников. Каждая группа, в свою очередь, рассеивается на сорок – пятьдесят квадратных миль, и воины организуют легкую связь друг с другом; получается

нечто вроде огромной паутины, где каждый чувствует каждого и несколько сотен ярдов вокруг себя. Это позволяет охватить довольно обширную территорию, а в случае опасности быстро среагировать и сгруппироваться.

* * *

Морган ехал замыкающим, по-прежнему руководствуясь больше внутренним зрением, чем физическим, поэтому, выбравшись из ивняка на узкую полосу песка между водой и обрывом, заметил происходящее под мостом, только когда голос Бо произнес:

– Глянь, чего баранчики вытворяют.

Морган приставил ладонь к глазам и поморщился, предвидя дальнейший ход событий. Баржа, похожая на неуклюжую хижину с ровной крышей, водруженную на огромный плоский ящик, не вписалась в проход между каменными опорами моста и стала поперек реки, зацепившись за них носом и кормой. Судно захлестывает вода с перекатов, небольшой крен на левый борт. Нос поврежден, других кандидатов в спасатели поблизости нет – это подсказал Дар.

Речники в панике сновали по корме, перетаскивая бочки и ящики с товаром из трюма на каменную насыпь вокруг опоры моста. Несколько сорвавшихся в воду бочек бойко скакали по валам. Один из мужчин, заметив всадников, закричал и замахал руками. Нелюбезный тычок локтем от

соседа утихомирил его, однако после короткой перебранки звать на помощь стали все пятеро. Шестой – Морган видел его внутренним зрением как блекло-серое пятно – без чувств валялся в трюме.

– Боги мои... – пробормотал он. – Сколько ж надо было выпить, чтоб так приложиться?

– Вытянем их вместе со всем барахлом, – с улыбкой, щурясь на солнце, сказал Бо. – Наши канаты выдержат.

Приступы любви к дикарям Морган считал причудами творческой натуры друга, но никогда не препятствовал ему в добротворстве. Он хмуро кивнул в сторону баржи и крикнул остальным:

– Поднимаемся на мост! – Нагнав Бо, заворчал: – Женщин на борту нет, детей нет. – «Если только тот, который в отключке – не чья-нибудь подружка, переоценившая алкоголеустойчивость своего организма». – Ты разве не понимаешь, что делаешь им хуже? Если мы им поможем, завтра они наступят на те же грабли. Потому что будут знать: сколько бы самогонки они в себя ни закачали, обязательно найдется добряк, который вытащит их из дерьма. Потеряв судно вместе с товаром, они получили бы урок.

– Это справедливо для тех, у кого есть мозги, – флегматично парировал Бо. – Знаешь, почему бараны не едят ничего, кроме травы? До них просто не доходит, что можно жрать что-то еще.

Морган фыркнул от смеха:

– Мудрец ты наш.

Поднимаясь по осыпающемуся песчаному берегу к мосту, он израсходовал весь свой запас ругательств, объясняя себе под нос, в каких позах и в какие отверстия поимеет речников после того, как до них доберется. Радостное повизгивание Имандры за спиной в сотый раз подтверждало наличие в этих словах сакральных вибраций, позволяющих уху улавливать матюги независимо от того, на каком расстоянии и с какой громкостью они произносятся.

Едва отряд оказался над местом крушения, молодежь повыскакивала из седел и облепила ограждения. Коймор и Эйж быстро размотали канат. На барже его конец принял широкоплечий мужчина с пышной огненно-рыжей шевелюрой. Подсвеченный фонарем, он вполне мог бы заменять маяк.

«Без этого никак», – мрачно думал Морган, разглядывая алые лужицы на корме. Внимание задержалось на окровавленной рубашке одного из речников. Нет, кровь на палубе не его. У этого легкая царапина. А вот человек в трюме соскальзывает в холодный мрак. Сейчас, с более близкого расстояния, Морган ощущал его состояние сильнее, хотя по-прежнему не мог определить ни характер повреждений, ни пол, ни возраст. Он с силой подергал канат; убедившись в крепости узла, потряс ржавые ограждения моста – выдержат ли двоих – и перемахнул через перила, крикнув через плечо:

– Бо, ты следом.

Суета вниз поутихла. Высокий подтянутый мужчина с

гладкими седеющими черными волосами поприветствовал Моргана широкой улыбкой и представился капитаном Одлером. Глаза его, однако, оставались настороженными, а Манна рябилась серыми волнами страха. Небритый старик с затуманенным взглядом и пропитой до синевы физиономией небрежно коснулся соломенной шляпы. Рыжий с крепким лысым детинушкой переводили взгляды с Моргана на сползающую по веревке вместо Бо Имандру и едва не упустили мешок, который пытались затолкать между ящиками на насыпи. Несмотря на свое бедственное положение, речники все еще сомневались, правильно ли поступили, пустив к себе на борт колдунов.

– Сначала раненый, – распорядился Морган.

Все, кроме паренька лет пятнадцати, тарашившегося на Моргана так, словно он спустился не с моста, а с луны, одновременно отвели глаза.

– Девчонка... – Одлер замялся и сделал беспомощный жест руками. – Из ваших.

Морган в два прыжка оказался в каюте. Следом юркнула Имандра. Девушка лежала на узкой койке. Худенькая, остроносая, с заплетенными в толстую косу светлыми волосами. Морган откинул шерстяное одеяло – такое же серое, как ее лицо. Руки от запястий до локтей замотаны тряпками, которые пропитались ярко-красной кровью. Эти идиоты даже не сообразили наложить жгуты! Манна изорвана как после нападения Асура, однако чернильно-черные включения сквер-

ны отсутствуют. Морган почувствовал у себя за спиной Бо: его Манна мягко слилась с Манной девушки, в умирающее тело хлынул поток жизненной силы.

– Кровотечение остановишь? – попросил Бо, присаживаясь в изголовье.

– Отвяжи ее от койки, раз явилась, – сказал Морган сестре. – Осторожнее, у нее вывихнуто плечо! – Он положил ладони на места ран, сосредоточился. Разрезы глубокие, длинные, одним Даром не обойтись, придется накладывать швы. Края рассеченного сосуда заслонили собой весь мир. Морган притянул их друг к другу силой намерения, заставил соединиться. Манна Бо поможет им какое-то время удерживаться вместе. Теперь другая рука...

– Возле Ингои подобрали, – донесся из-за плеча виноватый голос Одлера. – Причалили запасы провизии пополнить. Стоит на мосту, над фарватером, камни к ногам привязывает. Я подхожу: «Милая, никак прыгать собралась. Тебе бы жить и жить, любить, детей рожать». А она как саданет кинжалом. Без слов. Если б не успел увернуться, плыл бы сейчас по реке лицом вниз. – Он провел пальцем по окровавленному рукаву, показывая разрез, пересекающий предплечье. – Спиртами от нее не разит. Мы подумали, может, парень ее бросил. Девка молодая, горячая.

– Или хапнула чего, – осторожно вставил вездесущий рыжий.

– Мы на посту не хапаем! – резко осадил его Имандра.

Морган ткнул сестру локтем:

– Помолчи.

– Потом ребята подбежали. Повалили ее, связали да сюда, на судно. А куда еще? Вся Ингоя – десяток домишек. Ваших там нет. Привязали к поручням. Так эта бестия высвободилась. Оружие мы с нее сняли, в каюте припрятали, чтоб не добралась. Набросилась на Ларри как рысь. Он стоял на рулевом весле. Мы намеревались пройти между соседними опорами, где пошире. У него нож на поясе висел. Она выхватила. Пока ловили, вскрыла себе вены. А тут перекаты. Баржу развернуло...

По следовавшему за словами Одлера тяжелому молчанию Морган догадался, что судно его, а содержимое уплывших бочек куплено на его деньги.

– И все молча. Хоть бы словечко сказала, – пожаловался рыжий. – Еле оттащили от борта: норовила в воду броситься. Перевязали, чем было. Ты уж, командир, не гневайся. Лекарей среди нас нет. Сделали, что могли.

«Ну, вот и я сделал, что мог».

Морган поднял взгляд на Бо, медленно кивнул ему:

– Пускай девчонки подыскивают место для лагеря.

Бо легко подхватил на руки невысокую девушку. Имандра подобрала с пола и надела поверх собственного ее пояс с ножнами.

– Это Асур?

Морган мотнул головой.

– После Асура целитель не нужен. – Он поднялся с колен и побежал на корму. Кто-то из речников успел завязать петлю, и Бо с девушкой усаживался в нее. Эйж спустил два каната для буксира. Морган озабоченно оглядел загроможденный островок под мостом: хватило ли у речников ума перетащить туда самое тяжелое?

– Почему не нужен? – вонзился в ухо голос сестры.

– Потому.

– Она ку-ку? – не отставала Имандра.

– Нет. Безумие иначе выглядит.

– Надо же! Ни один не солгал. А мамусик говорит, все дикари – лжецы.

– Не все, как видишь, – бросил Морган через плечо, принимая канаты.

Пока они с капитаном и двумя матросами обматывали их вокруг кнехтов, Имандра, позвякивая гирляндой ножей, слонялась по судну. Крен усилился, прибывающая вода начала затоплять каюту. Ребята подняли на мост обладателя огненной шевелюры, своей очереди ожидал пьянчужка в шляпе. Привязывать канаты к седлам времени уже нет, баржу придется вытягивать вручную. Стоило озвучить эту невеселую новость, самый здоровенный из речников, на чьи бицепсы Морган очень рассчитывал, заявил, что девица, перед тем как порезать себя, вывихнула ему руку, поэтому помочь он не сможет. Морган ответил на ложь коротким неприязненным взглядом. Будь у них лишняя минутка, он вышвыр-

нул бы лентя за борт догонять уплывшие бочки. Капитан с мальчишкой, чтобы сэкономить время и облегчить вес судна, перебрались на насыпь. Возвышающиеся за их спинами башни из ящиков опасно кренились к воде. Все это, если не рухнет, предстоит вытягивать наверх. Морган поймал за руку сестру и ткнул пальцем в болтающегося в воздухе речника в шляпе.

– Ты следующая.

– Руэлл, мы сожрем их на ужин или принесем в жертву Богам?

– Не болтай чепухи.

– Это не я, это они болтают. Еще они обсуждают, что тебе предложить в обмен на свои жизни. У них есть сахар, масло, свиное сало, лен, шерсть, замки, металлический инструмент.

«О Боги, как же я устал!»

Спас чью-то жизнь или отнял, в обоих случаях – грабитель, мошенник, черный колдун, некромант... Морган почувствовал, что начинает заводиться.

– Спроси Бо, – процедил он сквозь зубы. – Он у нас главный спасатель.

– А-а-а... Бо добренький. Он от вознаграждения откажется. Руэлл, что такое скобяные изделия? У них тринадцать ящиков. Нам не нужно?

Морган резко развернулся и взмахнул рукой. Сестра привычным движением увернулась от подзатыльника.

– Железяки, – прошипел он. – Которыми деревяшки

скрепляют. Попроси у них замок и запри свое хайло! – Было бы жестоко требовать платы с пострадавших – ее уже взяла река; а самое ценное сокровище этой баржи у Бо на руках.

– Бо – душка! – Ухватившись за узел, Имандра просунула ноги в петлю. – Это дурачье утопило бы ее вместе со своей прогнившей посудиной.

Морган помог ей усесться поудобнее.

– Держись крепко и не вертись, а то самосплавом пойдешь. Тяни! – крикнул он наверх.

Провозились до заката. Сначала тащили против сильного течения баржу с симулянтom, в коем было не меньше двухсот пятидесяти фунтов веса. Потом Морган отослал всех в лагерь, оставив себе четверых помощников. Вытянули с насыпи ящики, перетащили их к месту, где сидела на мели привязанная к дереву баржа. Симулянт, видимо опасаясь нечаянного саморазоблачения, остался вычерпывать воду из трюма. Морган думал об одном: поскорее закончить, чтобы не видеть рож спасенных.

Речники вконец обнаглели. Владелец баржи спросил, нельзя ли при помощи колдовства поднять затонувшие ящики: одна из башен все-таки рухнула в воду. Стараясь не показывать раздражения, Морган объяснил, что здесь требуется не колдовство, а крепкие хлопцы с баграми, которые нырнули бы на глубину сорока восьми футов и обвязали ящики веревками. И ничто не мешает завтра утром отправиться поискать их в ближайшей деревне. Названная Морганом глу-

бина опечалила капитана. Еще больше опечалило его молчание, которым Морган в следующие полчаса отвечал на его намеки, что именно он лучше всех и годится на роль водолаза-смертника. Владелец шляпы вообще не принимал участия в спасении груза, а только болтался под ногами. Морган ни разу не заметил, чтобы он прикладывался к бутылке, однако сукин сын соловел на глазах: мастерство отточено до совершенства. Когда он осоловел окончательно, Анаил отпихнул его к перилам, и тот повис на них, изрыгая рычание и громко вопрошая в пространство, куда подевалась длинноногая красotka в синей тунике. Жаль, Имандры нет: ее болтливому языку нашлось бы применение.

В лагерь, разбитый на большой поляне в миле выше по течению – с такого расстояния можно отслеживать и речников, мало ли чего им ночью ударит в голову, – прибыли к сумеркам. Вдохнув привычные вечерние запахи лесной сырости, дыма и печеной рыбы, Морган начал неудержимо зевать. Народ занимался кто чем – в основном ужином, лошадьми и помывкой на реке. Красotka в синей тунике, без штанов, восседала на бревнышке у костра, демонстрируя свои длинные ноги Кернелу и Марику, которые поблизости кололи дрова.

Морган искал внутренним зрением несостоявшуюся самоубийцу. Лежит в палатке Ринокки. Манна сияет как у здоровой, и над девушкой никто не сидит. Саму Ринокку он ощущал где-то возле реки. Свербящее весь вечер в груди

беспокойство утихло: угрозы для жизни нет. Пока он распрягал лошадь, Ринок стала видна физическим зрением, с четырьмя кожаными ведрами в руках. Он двинулся ей навстречу.

– Как она?

– Ах... – Целительница встряхнула освободившиеся от ноши руки. – Спасибо, Мор. Почти ничего не помнит. Тебе стоит послушать самому. У меня мелькнула мысль об Асуре. – Она растерянно взъерошила копну медных волос. – Но в ее Манне нет ничьих отпечатков, кроме твоих и Бо. Кто первым ее осматривал?

– Я. Бо с ходу дал ей подкрепляющий поток. Ее Манна была похожа на кусок рваной ткани. Больше ничего настораживающего. Я все равно не успел бы за такое короткое время сосредоточиться и проникнуть в ее Манну настолько глубоко, чтобы выяснить, с кем она общалась до нас. Ты же знаешь: следопыт из меня паршивый.

Сгрузив ведра под дерево, Морган сделал Имандре замечание: натаскать воды могла бы и она. Засранка даже не повернула головы, только повела плечом – так лошадь дергает шкурой, сгоняя с себя мух. Он застыл в растерянности, глядя на лохматый затылок. О Боги, сестра реагирует на него в точности как он на мать! Те, кто не знает их семью, обычно принимают Имандру за его дочь. Отчасти они правы. Отец погиб, когда Имандре было полгода, и Моргану пришлось взять часть забот о ее воспитании на себя. С тем же успехом

можно воспитывать деревянный башмак или медный котел.

– Ее зовут Тойва Эмбл Сагра, отряд Ушана. – Голос Ринокки заставил сознание переключиться на подвижного жилистого коротышку, чья острая физиономия с вздернутыми бровями и оттопыренными ушами известна на всем северо-западе. Прозвище прилипло к нему так давно и прочно, что Морган сомневался, помнит ли кто-нибудь, включая близкую родню, его имя. – Кау наложила шесть швов. Надеюсь, завтра девочка сможет вставать без посторонней помощи.

Они подошли к палатке, прячущейся под сводом орешника. Ринокка откинула полог, в нос ударил запах снадобий.

– Тойва? – позвала она вполголоса.

Неподвижно лежащее поперек палатки тело пошевелилось.

– Здесь Морган. Поговоришь?

Глаза девушки блеснули в знак согласия. Морган ободряюще улыбнулся ей:

– Привет, дружок!

В палатку просунулась голова Бо. Все трое уселись с краю, оставив ноги снаружи, чтобы не разуваться.

– Кто же тебя довел до такой жизни, злой дядька Ушан?

Уголки губ Тойвы дрогнули.

– Мы с напарником пошли в лес за ужином. – Ее голос был таким же слабым, как улыбка. – Почти сразу же взяли след кабана и здорово удалились от лагеря.

Морган почувствовал, что дело было не столько в кабане, сколько в желании молодых людей уединиться. Но... каждый имеет право не распространяться о своих интимных делах.

«Мы и так слишком много знаем друг о друге».

— Алсур, он видит дальше меня, сказал, что в полумиле от нас лошадь без наездника и, в какую бы сторону мы ни пошли, она движется за нами, но не приближается. Это странно. Возможно, она потерялась. Надо ее поймать. И ушел. Я выследила и приманила кабана. Забила. Разрубила тушу. Алсура нет и нет. Я забеспокоилась. Забросала мясо ветками и бегом по следам. Через несколько минут чувствую лошадь. А Алсура не чувствую. Я забеспокоилась еще сильнее. Вдруг лошадь его лягнула и он лежит где-нибудь без сознания? Дальше помню мало и смутно. Скачу верхом, довольно долго, потом ощущение, будто прохожу врата. И вдруг осознаю, что мне позарез нужна вода, но не затем, чтобы напиться. Еще помню фигуру всадника. Он был как бы отдельно от всего остального. Сам по себе.

— На той стороне врат был наш мир или этот?

— Не помню.

— Беспричинный страх, паника?

Тойва покачала головой.

— Не мучай ребенка! — с шутиливой строгостью прикрикнула Ринока. — Мы с Каулой обо всем ее расспросили. Асура поблизости не было. Лица, одежды всадника, его Манны, места, где она его видела, сколько дней назад это случилось,

она не помнит. И никаких коллизий, которые могли бы толкнуть к самоубийству, в ее жизни в последнее время не происходило.

– Ладно. Отдыхай. – Морган ласково коснулся локтя девушки. – Если тебе что-нибудь нужно, Ринокa сейчас к тебе вернется. Я не вижу следов насильственного стирания памяти. Большая кровопотеря. Думаю, когда организм восполнит ее запасы, память восстановится.

– Мы тоже на этом сошлись, – согласилась Ринокa. – Ну, что скажете? – спросила она, когда они отошли от палатки достаточно далеко, чтобы Тойва их не слышала.

– Выглядит как околдовывание Асуром. Но скверны нет. Я бы завернул к Ушану взглянуть, что за пакость у него там завелась.

– А нужно ли, Мор? – вяло возразил Бо. – Они наверняка уже прочесали лес и всю эту пакость подчистили. Если она вообще была. По-моему, ребятки просто курнули лишка.

– Я не почувствовала, – вступилась за Тойву Ринокa. – И первым делом спросила ее именно об этом. Ты плохо знаешь Ушана. Он за такие дела подвесит за ноги и будет медленно поджаривать над костром. Эти детишки не в том возрасте, чтобы не осознавать. Уж мой младший насколько дуралей, – она кивнула на суетящегося вокруг костра Марика, – и то понимает.

– Она может не помнить. А следы травки, если косяки эпизодичны, исчезают быстро.

Морган прислонился к дереву, постучал пяткой о ствол, сбивая с ботинка налипшую глину, и устало подытожил:

– Утром поворачиваем на юг. Девчонке нужен отдых, обильное питье, укрепляющие снадобья. Передадим Ушану. Представляю, какой у них переполох. Поговори с ней завтра еще раз, Рин. Насчет травки. Я не исключаю эту версию. Успокой. Пообещай, что в случае чего мы сохраним ее тайну. А выволочку я ей устрою сам.

«Если, конечно, Алсур не проболтался».

Ринока скорчила жалостливую гримаску.

– Ах, бедная девочка! – Она трагически всплеснула руками. – Ты и Ушан... Уж не знаю, какое из двух зол предпочла бы я.

Морган почувствовал, как его губы расплываются в жульнической улыбке.

– Ушана. Потому что он не твой командир.

Спустя минуту он плюхнулся на свободный клочок земли у костра. Ужинающих прибавилось, и все бревна оказались заняты. Морган отмахнулся от двух добровольцев, попытавшихся освободить ему место, палкой извлек рыбину из углей и начал сбивать с леща глиняную обмазку. Бревно все-таки прикатали, на него уселся Бо. Пока Морган уговаривал свои натруженные мышцы совершить пару бесполезных движений, к Бо перебралась Имандра и оккупировала все сидячее пространство.

Морган громко объявил:

– Завтра разворачиваемся в сторону Ушана. Отвезем девушку. – Несколько голов кивнули. Кто-то пробормотал, что это разумно: до Ушана ближе, чем до любого из порталов. Он обвел взглядом круг лиц: возражений никто не выказал. Имандра зевнула и глубокомысленно изрекла прямо в ухо:

– Это ее любовничек подстроил. За то, что она с кем-то перепихнулась.

– Умница моя, – пробурчал Морган, вгрызаясь в нежное брюхо рыбины. – Попрошу Тайнера взять тебя в советники вместо меня.

На лице Имандры заиграла игривая улыбочка, и обращена она была к соседу справа.

– Бо, что ты собираешься делать после того, как съешь рыбу?

Бо проглотил кусок рыбы, запил его чаем.

– Мыться.

– А потом?

– Потом спать.

– А между мытьем и сном ты меня нарисуешь!

– Только не в нашей палатке, – прорычал Морган. – Бери на себя дозорную смену и кривляйся хоть до рассвета.

Глава 2

За ночь южный ветер пригнал низкую серую наволочь. Воздух потеплел, но дождь лил не переставая. К полудню потоки воды и глинистые почвы превратили извилистые холмистые дороги в грязные топи и опасно скользкие горки, а тропки – в ручьи. Это замедляло продвижение отряда. Морган мысленно благодарил мастеров, и свою мать в том числе, чей Дар наделил тонкие кожаные плащи свойством отталкивать воду: без этих плащей все промокли бы до трусов. От таких унылых, тягомотных переходов устаешь больше, чем от схваток. Пожалуй, единственной, кому тихий ход шел во благо, была Тойва. Ехать сама она не могла, поэтому Каула усадила ее на лошадь впереди себя и придерживала, чтобы девушка не заваливалась на бок, когда накатывала очередная волна головокружения.

Погода беспокоила Моргана. В это время года южный ветер – редкий гость, но если приходит, поливает дождем неделю. Двигаясь такими темпами, с задержкой на Ушана, они прибудут к Лосиному Броду позже оговоренного срока. Морган размышлял, не послать ли к Тайнеру гонца, когда с ним поравнялся Гуан, брат Эйжа, ранее ехавший за густым сосновым перелеском несколькими сотнями ярдов правее.

– Не нравится мне запашок с юга. Может, глянem, кого там волки задрали?

«Или не волки», — думал Морган, прикидывая расстояние и время, которое они потратят на то, чтобы преодолеть его, с поправкой на рельеф и поиск брода через речку. Он наблюдал за черными точками, движущимися над кронами деревьев на фоне размазанного облаками бледного пятна солнца уже давно: птицы выписывали круги, пикировали и тут же взмывали. Деревень и хуторов здесь мало, и их разделяет густой лес — преты обожают такие места. Морган кивнул:

— Пташки резвятся неспроста. Догоняй передних, и держитесь реки, а я подтяну тех, кто правее.

До брода пришлось накинуть пару лишних миль. Противоположный берег оказался неприветливым. Там раскинулся обширный заливной луг, который дожди превратили в болото: пока местность не пошла вверх, копыта лошадей вязли в укрытой травой земляной жиже. За ним тянулся унылый сырой ельник, захламленный буреломом. Впереди маячил просвет. Спугнутые всадниками, стервятники взмыли выше и пронзительно, хрипло раскричались.

Труп Морган увидел сразу же — остатки кожаной одежды чернели на фоне зелени и кроваво-красных ягод; расклеваный, а кое-где разодранный до кости голодными пастями... волков, не претов. Несколько человек вслед за Морганом соскочили с лошадей. Парень, точнее, то, что от него осталось, лежал навзничь, широко раскинув руки. Кисти отсутствовали. Лоб и глазницы пробиты, рот разрезан до ушей. Вид трупов редко вызывал у Моргана эмоции. На этот раз равноду-

шен он не был. И, судя по зависшей над поляной оцепенелой тишине, не он один. Тишина, впрочем, длилась недолго. Ее прервало выразительное пояснение, что парня оттрахали в рот, после чего голос Имандры невинно осведомился:

– Это преты?

– Люди, – хрипло рявкнул Морган, подтвердив свои слова плевком. Такое способен сотворить с человеком только человек. А с Суром – дикарь. Карманы, естественно, выпотрошены и вывернуты наизнанку, пояс с ножнами срезан. Подонки даже не потрудились выбросить в реку орудия убийства – топор и железный лом с заостренным концом. Ограбление и убийство напоказ, демонстрация ненависти к колдунам. Другого объяснения бессмысленной жестокости Морган не находил. Он развернулся к сестре, ухватил ее за шиворот и подтолкнул к трупам. – Давай, следопыт, поработай!

– Мор. – Пальцы Каулы предупреждающе сжали его локоть. – Это ее первый рейд, – напомнила она вполголоса.

– Алсур! О Боги, нет! – Оба одновременно повернули головы на вопль Тойвы. Бо, к счастью оказавшийся поблизости, не позволил потерявшей сознание девушке выпасть из седла.

– Убери ее отсюда! – крикнул Морган. *«И остальные тоже... Нечего смотрины устраивать».*

Повинуясь его безмолвному приказу, вместе с Бо и Тойвой с поляны быстро и бесшумно ретировались все, кто не обладает даром восприятия отпечатков. Морган опустил

на короточки перед трупом, рядом с сестрой, коснулся восковой руки. Смерть наступила недавно, день-полтора назад. Он прихватил горсть земли и, прикрыв глаза, стянул внимание на сырые комья в кулаке. Тотчас заныли виски. Отпечатки Морган улавливал неважно – в отличие от Имандры, у которой с детства проявилась противоположная способность: рассредоточить внимание больше чем на треть мили она не может, зато умеет проникать глубоко внутрь предмета. Морган надеялся, что, когда наконец его подзатыльники выбьют дурь из ее мозгов, сестра станет блестящим следопытом.

– Дикарь, – с уверенностью сообщила Имандра. – Дождь немного подпортил, но я довольно четко его вижу. Ублюдок! О Боги... Он был жив... Руэлл! – Она затрясла руку Моргана. – Он был в сознании! Он не сопротивлялся! Он умер, когда ему пробили голову! Когда делали остальное, он был жив. Он не защищался! Почему?

– Хватит верещать. – Морган освободился от ее хватки. – Давай по порядку.

– Животное, – негромко выдохнула за спиной Ринокa.

– Средних лет. Невысокий. Ниже Алсура. Довольно упитанный, с животиком. Волосы редкие, блекло-рыжие, с сединой. Бороды, усов нет. Круглое лицо, широко расставленные глаза. На лбу, над левой бровью царапина. Тонкая, но заметная и длинная, до виска. Нос... вдавленный. Кто-то от души звезданул ему в харю!

– Угу, – подтвердил Анаил и добавил: – Короткая тем-

но-красная куртка из плотной ткани. На левом рукаве, на локте большая черная заплата. Скверны в Манне нет.

Не околдован. Но *одержим*... Местью? Будто Алсур собственноручно вырезал всю его родню до седьмого колена. Внешность убийцы Морган воспринимал размыто, однако эмоциональные отзвуки ужасной трагедии просачивались в него как вода в песок. Страх? Нет. Отголосков страха нет. Алсур не боялся своего убийцы. Не боялся, не сопротивлялся... Однако земля вокруг агонизирует – болью и криком о помощи. Безмолвным криком. Из его горла не вырвалось ни звука! А ведь он не был связан: следов веревок на теле нет. Бесплодные попытки проникнуть за завесу этой, второй за сутки, тайны прервала столь же бесплодная громкоголая дискуссия Имандры с Анаилом: мог ли вялый, одутловатый дикарь в одиночку справиться с хорошо тренированным, вооруженным до зубов воином. Морган оглянулся.

– Рин?

Ринока безнадежно пожала плечами:

– Убийца один, и он не раб Асура. Борьбы не было. Алсур не защищался.

– Странно, – мрачно загудел Гуан. – Слишком уж быстро все произошло. Ни ссоры, ни драки. Он просто подошел к нему, повалил и начал истязать. И бедняга покорно сносил мучения, пока не умер. Чушь какая-то.

Морган с усталым вздохом разогнул колени, отряхнул ладони. Растирая пульсирующие горячей болью виски, окинул

взглядом деревья: нет ли поблизости тополя – соприкосновение с его аурой вытянуло бы из Манны эхо боли Алсура. Вокруг росли ели, чуть дальше просматривались березы, осины и фигуры всадников. На противоположном краю поляны, за вывороченной с корнем сосной, уткнувшись в гриву лошади, рыдала Тойва. Возле нее стояли Бо и Анда. Анда гладила девушку по спине. Морган направился в их сторону, за ним неслышной тенью заскользила Каула. Возможно, Алсур крутил какие-то дела с дикарями, кому-то не угодил, и Тойве что-нибудь известно. Не дойдя нескольких шагов, остановился.

«Нет, не сейчас. Ей не до расспросов».

К нему подъехал Эйж.

– Мор, мы просмотрели окрестности. Он удрал на лошади Алсура. Следы подков хорошо видны. Идут на юго-запад, в сторону деревни. До деревни, если верить картам, около пяти миль. – Он с силой хватил мощной ладонью по стволу дерева. – Он наш!

– Я могу взять кого-нибудь из ребят и съездить за гвардейцами, – предложила Каула.

– Нет нужды, – сухо отозвался Морган.

Правосудие было отдельным. Суры судили Суров, дикари – дикарей. И то, как дикари судят своих за преступления против колдунов, Морган знал не понаслышке. Преступника, в сопровождении гвардейцев, которых еще надо где-то найти, приводят к местному священнику, он с показным

участием выслушивает, обещает принять меры, а когда отряд уезжает, отпускает подонка. Довольно! Сегодня возмездие свершится по справедливости.

Эйж присвистнул.

– Какие гвардейцы, Кау? Сейчас мы проведем подготовительную часть погребального обряда и двинем по баранчикам. Так, Мор? – Перспектива заставить зарвавшихся дикарей платить по счетам изрядно подогрела Эйжу кровь, несмотря на далеко не юношеский возраст; конь под ним с нетерпением пританцовывал на месте.

– Да, начинайте. Я ненадолго.

Эйж и Каула кивнули: Эйж – понимающе, Каула – с беспокойством. Морган спустился по склону бегом, опасаясь, как бы ей не ударило в голову его утешать. Меньше всего он сейчас нуждался в чьем-либо обществе.

Тополей он не нашел. Заглушил боль, пропинав пару сотен ярдов большой камень, и вернулся, когда пламя всю пожирало изуродованное тело, выжигая из пропитанной кровью земли отголоски трагедии. Вместо висков теперь болели пальцы ног. Морган присоединился к хору голосов, монотонно тянущих длинную Мантру Последнего Очищения – годам к тридцати она невольно выучивалась наизусть. Совсем скоро зелено-голубой огонь, разожженный при помощи жидкой смолы, которую мастера наделяют свойством воспламеняться от намерения, превратит останки в пепел. Тойва, самый близкий Алсуру человек из присутствующих

здесь, руками соберет прах и передаст семье. Трое суток над прахом будут читать молитвы, потом его соединят с белой глиной и захоронят в горах.

Взгляд зацепило непривычно серьезное лицо сестры – затененное свисающими ветвями елей, оно казалось повзрослевшим лет на десять. Столкнулась с жестокостью дикарей в самом начале боевой службы. Как он в свое время. Не является ли это дурным предзнаменованием и не ждет ли и ее такая же паскудная судьба? Была и хорошая новость: соприкосновение с отзвуками чужой боли не доставляет Имандре физических страданий – превосходное качество для следопыта.

Следы действительно вели напрямиком к деревне; не петляли и не кружили по лесу, стараясь запутать преследователей. Убийца не останавливался, не спешил, а на утопающую в грязи дорогу, где следы его лошади смешались со следами других лошадей и тележных колес, выехал, когда лес сменили фермерские поля. Беспросветная тупость или наглая провокация? Если это ловушка, что в таком случае ждет их в деревне – толпа забулдыг с топорами и дубинками? Морган нервно рассмеялся. Самая серьезная проблема, с которой он столкнется в ближайший час, – не дать своим подопечным растерзать убийцу прежде, чем тот объяснит свою изысканную жестокость. Отряд напоминает тлеющий торфяник, а молодежь не упустит случая посоревноваться в стрельбе из

лука и метаний кинжалов.

Все предположения рассыпались в прах за милю до деревни, когда ее жители оказались в пределах досягаемости Дара. Моргана захватил неторопливый и безмятежный, словно равнинная река, поток сельской жизни; по сравнению с ритмом жизни его народа он казался лениво-сонным. Ни затаенной агрессии, ни напряженного ожидания, ни одной группки взрослых больше десяти человек – кучкуются в основном по трое. Если здесь с кем-то и собрались воевать, то только с зайцами и зеленым змием. Не обнаружил он и убийцы. Вновь и вновь перепроверял, не пропустил ли, до тех пор пока Анаил с досадой не сплюнул:

– Его там нет!

– Угу. Но мы все равно туда прогуляемся. Втроем. – Морган скривил губы в хищной усмешке. – За овсом.

– Можно я поеду с вами? – взмолилась Тойва. – Я хорошо себя чувствую.

– Не спеши, дитя. – Бо ласково ущипнул девушку за щеку. – А то успеешь.

– Хорошо себя чувствовать будешь, когда перестанешь на ходу падать в обморок. – Морган ударил каблуками коня и рванул вслед за Бо и Анаилом, крикнув через плечо: – Не отрывайтесь больше чем на полмили!

В деревне они перешли на шаг. Анаил спешился: между домами дорога почище, и на ней можно что-то различить. Несколько мужчин, играющих в кости на старой телеге без

колес, резко умолкли. Мальчонка лет десяти, глазевший на всадников из открытой калитки, попятился и, шлепая по лужам, помчался к дому. Любопытство перло отовсюду: из прикрытых занавесками окон, из щелей в заборах, из отверстий между досками стен загонов для скота. Затаив дыхание улица следила за загадочными действиями колдуна, который щедро потчевал ее пищей для сплетен: ползал по дороге, разглядывал грязь и прикладывал к земле то одну, то другую ладонь.

Наконец Анаил поднялся, махнул вправо. Они проехали еще несколько домишек и свернули на узкую, засыпанную песком улочку, где он снова спешил и ушел вниманием в землю. Следы лошади убийцы смыты и затоптаны, и Анаил сверял отпечатки на дороге с теми, которые уловил вокруг тела Алсура. Кропотливая, выматывающая работа; голова потом болит так, что ее хочется снять с плеч и закинуть на луну.

– Там. – Он указал на второй от конца улицы дом и с удовлетворением вытер вспотевший от напряжения лоб.

Хозяйка, полногрудая женщина в зеленой косынке, стирающая возле колодца белье, подняла голову на стук копыт и замерла с открытым ртом. Вытерла руки о подол, нерешительно поднялась навстречу непрошеным гостям. Морган вдохнул соблазнительные запахи крестьянской кухни. В животе заурчало. Ах, как хорошо было бы заодно прикупить овец! Баранина на ужин скрасила бы мрачное настроение в

отряде и все прелести ночлега в подмокшем болотистом лесу. Но Тайнер, под давлением верховного главнокомандующего, будет ворчать, что деньги выбрасываются в отхожие ямы.

Бо расплылся в улыбке, от которой только камень не растечется озером.

– Добрый вечер, мэм! – зажурчал он непроницаемо-вежливым тоном. – Ваш муж говорил, вы недорого продаете овес. Не найдется для нас мешков пять-шесть?

Глаза женщины стали такими же круглыми, как ее открытый рот.

– Овес? Гордон не водит знакомств с Сурами.

– Я так не думаю, мэм. Быть может, уточним у него самого?

– Нет его, – бросила она – не слишком дружелюбно, но без враждебности. И, помолчав, добавила: – Третий день дома не появляется. – Ее пальцы начали теребить краешек рукава. По нахмурившемуся лицу и жалобным ноткам в голосе Морган понял, что Гордон исчезает не впервой и о своих похождениях не докладывает, заставляя жену мучиться догадками и ревностью. – Овса пять мешков не дам. Два. Вон их спросите. – Она кивнула на дом напротив. – Они без денег дадут, за водку.

– Устроит. – Морган оглянулся на двух повидавших виды дедков. Обрадованные кратковременным просветом в облаках, они потягивали на лавочке у калитки пиво. Под глазом

одного из них красовался свежий синяк.

Дедок без синяка подмигнул Моргану и подозвал его кри-
вым пальцем:

– Двадцать медяков за мешок, и я скажу, где он.

Морган с сомнением поморщился:

– Скажи сначала. А я решу, стоят ли твои слова двадцати монет.

– Ты, колдун, меня обманешь. – Дедок погрозил пальцем и захихикал, показав беззубый рот.

– Тащи один мешок, и будут тебе деньги. – Морган звякнул кожаным мешочком в кармане.

– Ты ж хотел три.

– Один, – повторил Морган стальным голосом.

Переглянувшись, дедки с погрустневшими физиономиями поднялись – один из них припрятал кувшины с пивом в траву – и гуськом потрусили во двор. Морган отъехал, чтобы оплатить мешки, принесенные женой Гордона; Бо уже при-
торачивал их к седлу.

– Эй, командир! – окликнули его спустя несколько минут.

Засранцы все-таки приволокли три мешка. Морган отсчитал двадцать монет, отсыпал дедку десять, остальные зажал в кулаке:

– Слушаю.

Дедок, не спуская глаз с кулака, пожевал губу.

– В Браунео он уехал. К родителям. Гони остальные! – К Моргану протянулась желтая мозолистая ладонь.

– Совсем из ума выжил, дурень! – выругался женский голос. Из калитки, уперев кулаки в бока, вышла худощавая бабулька в грязном желтом переднике, со строгим скуластым лицом в обрамлении включенных седых волос и властно вздернутым подбородком. – Его родителей лет пять как нет. Голубка у него там. Молоденькая. – Она оттолкнула руку мужа и деловито протянула свою. Дедки совсем скисли. – А вам, господа благородные, он зачем понадобился?

Морган внимательно посмотрел на нее, и не только глазами.

«Ничего не знает. Праздное любопытство».

Он разжал кулак, монеты звякнули в алчущую ладонь.

– Всего доброго.

Они развернули коней и двинулись навстречу отряду.

– Господа благородные – змеи подколенные, – вполголоса озвучил Анаил истинный подтекст вежливого обращения. – Шустрый упырь. Браунео – это граница с Гиадалией, миль триста на юго-запад. Куда сначала, Мор?

Взгляд скользнул с подсвеченной ненадолго выглянувшим солнцем золотисто-каштановой макушки Анаила на покрытые лесом юго-западные холмы. Разделяться рискованно. Посылать гонцов к Тайнеру после кровавых историй Тойвы и Алсура Морган остерегался; какая-то часть его существа с яростным упорством продолжала отвергать становившуюся все более очевидной версию о наркотиках. Убийца никуда не денется. Это даже хорошо, что пройдет время:

он расслабится, перестанет прятаться. Меч возмездия может ждать, раненая девушка – нет.

– К Ушану.

Морган уже дремал, когда почувствовал, как кто-то лезет в его спальный мешок. Внутреннее зрение проснулось быстрее, чем открылись глаза.

– Что ты здесь забыла?

В ухо дыхнуло влажным жаром.

– Тебя.

Морган с ужасом осознал, что к нему прижимается нагое тело, а рука сестры деловито расстегивает его штаны. Сон разлетелся в клочья.

– Брысь отсюда! – Он отпихнул ее коленом. – Тискай своего Кернела.

– Он сволочь! Обожрется на ночь и пердит так, что у меня под утро от вони раскалывается голова. И у него сарделька не работает.

– А кто ее сделал неработающей, не помнишь?

– Он сам нарвался. Откуда я знала, что он слабонервный. Ну, Руэлл... – жалобно заныла Имандра, уткнувшись ему в шею и пытаясь просунуть коленку между его плотно сжатых бедер. – У тебя давно не было женщины, мы могли бы помочь друг другу.

– Выматывайся! Кругом молодые парни – цветник! – а ты приперлась ко мне. И потише. Бо разбудишь.

– Ты надежный. Алу трахалась со своим братом. И Сарья тоже. Он ее всему и научил.

– Мне нечему тебя учить.

– Может, тогда я тебе чего-нибудь напомним... Ай! Пусти!

Морган резко повернул голову, и кулак, метивший ему в челюсть в отместку за вывернутую руку, скользнул по плечу.

– Мудак недотраханый! – Имандра уселась между ним и Бо. – Почему парни от меня шарахаются? Я что, уродина?

Вот оно, поперло... Из наблюдений за сестрой в экстремальных обстоятельствах Морган заключил, что адаптация к чужому миру и походным условиям прошла успешно. Этой мыслью он утешался весь вечер и с ней же пару часов назад забрался в спальник и закрыл глаза. Поспешил.

«А ты чего ожидал? Ей всего-то семнадцать. И это еще цветочки».

– Они боятся участи Керна.

– А ты не боишься. Между прочим, ты даже не соизволил похвалить меня за отличную работу с отпечатками.

– Как это – не соизволил? Я ж тебя не выругал. Ты собрала аплодисменты со всего отряда. Тебе мало? Вот вернешься домой, похвастаешься мамусику и будешь слушать дифирамбы до следующего рейда.

– Отсутствие ругани – это похвала? Да ты такое же подлое и бессердечное говно, как все мужики! Что вы лежите здесь как бревна? Мошкары напустили. – Морган поморщился от хлопков, противно ударяющих по барабанным пе-

репонкам. – Руэлл, если ты мне откажешь, весь гнус из этого леса окажется в твоём спальнике. Пока ты будешь их выгонять, они обглодают тебя до костей.

– А что, по-твоему, мы должны делать – шариться по лагерю и искать, куда пристроить свое хозяйство? – пришел на помощь сонный голос Бо. Особого недовольства, впрочем, в нем не чувствовалось.

– Братцу давно пора его пристроить. Может, мы втроем, а? Здесь места на троих, а вы разлеглись вдвоем. Привилегия командира? Руэлл, сознайся, ты по ночам тайком нарезаешь ему резьбу в заднице.

– Эх, жаль, Тина с нами нет! Он отнесся бы к тебе с *пониманием*. – Морган перекатился на спину, прикидывая, как отвесить сестре подзатыльник из лежачего положения – уж больно не хочется вставать.

– Валентин? Фу-у! У него башка похожа на жопу.
Бо хрюкнул от смеха.

– Боишься перепутать в темноте?

– Он потом будет своим приятелям описывать в деталях.

– Это, милая моя, плата за понимание. Говорят, ему есть чем гордиться.

– Бо, душечка, тебе тоже! – Бедняга и вздохнуть не успел, как она запрыгнула на него и уселась верхом.

Морган застонал про себя. Только начал засыпать... Он предпринял последнюю, безнадёжную попытку восстановить свой статус-кво в палатке:

– Я тут шагах в двадцати муравейник видел. Давай посадим ее туда голым задом.

Тишина. Бо накинул на себя и Имандру защитную сеть.

Морган выждал паузу, потом сел, нашарил в изножье ботинки и выполз из согретой дыханием темноты в промозглую сырость.

– Даю вам два часа, – бросил он напоследок. – Имка, имей в виду: когда Танира будет тебя свежевать, я буду стоять в сторонке и ухмыляться.

– Вали уже отсюда, блюстителю нравов! Кряхтишь, как столетний дед, скоро песок посыплется. Сардельку свою туда сунь! Муравьиная кислота – эликсир молодости.

Моргана проводили глумливые смешки сестры, очевидно смакующей в воображении его коленопреклоненным голышом перед муравейником.

У костра клевали носом Эйж и Анда.

– Идите спать, – хрипло сказал Морган.

Дозорных как ураганом снесло. Никаких вопросов. Но плохо сдерживаемые улыбочки напомнили о том, что в отряде ни от кого ничего не скроешь. Усевшись на место Эйжа, он вытянул ноги и рассредоточил внутреннее внимание вокруг себя на свои обычные полторы мили.

Спасибо Бо, выручил. Еще немного, и Морган бы сдался: молодая девчонка, хранительница рода, за судьбу которой он в ответе, не должна чувствовать себя ущербной ни при каких обстоятельствах. Юношеские неудачи спустя го-

ды нередко выливаются в крупные трагедии, и эти трагедии уже перестают быть личным делом, а становятся бедой всего клана. В душе Морган был на стороне сестры, хотя чисто по-мужски сочувствовал Керну. Возможно, со своей следующей возлюбленной этот болван будет поделикатнее. Научится брать пример с Бо, чье доброе сердце и мягкий веселый нрав служат ему защитой от супружеского гнева. Заложить Бо жене – все равно что пырнуть кинжалом безоружного. Кроме того, Бо ни разу не пренебрегал вековой мудростью изменять своей половине в первые дни рейда. За четыре-пять недель, к концу похода, отпечатки партнерши успевают раствориться в Манне, и следы близости уловит разве что искушенный мастер – следопыт или целитель. Хуже, когда любовь. Ее чудные ярко-розовые переливы скрывает лишь защитная сеть, которую при первой же необходимости прибегнуть к Дару придется убрать, а в противном случае тебя выдаст постоянная закрытость вкупе с поглупевшей физиономией. Впрочем, возможно, Танира знает о «благоденствиях» мужа и закрывает на них глаза, потому что сердцем Бо ей верен, а все свободное время он посвящает двоим дочерям и годовалому сынишке.

Ветер принес из окружающей тьмы крупные капли дождя, забарабанившие по натянутому высоко над костром тенту. Морган подбросил в огонь поленьев. Пламя затанцевало, сочно прищелкивая и выстреливая крупные искры. Дар оповестил о том, что сонные ребята добрались до своих палаток,

а на вакантное место второго дозорного объявился претендент. Увы, не один из тех, чье общество Морган бы предпочел. Спустя минуту на его плечи опустились руки и начали массировать натруженные мышцы, которые все еще болели после бурлацкой работы и таскания набитых железом ящиков. Морган невольно зажмурился от удовольствия.

– Наш вечный дозорный, у которого от глубоких раздумий дымятся ботинки, – в такт движениям произнесла Каула.

– Ох... – Морган убрал ноги от огня. – А я никак не соображу, откуда вонь.

– И воду забыл налить. – Каула оставила его в покое, сняла раскаленный котелок на палке, положила в мокрую траву. – Сколько котелков ты сжег, мыслитель?

Она села напротив, приглашающе похлопала ладонью по бревну рядом с собой. Морган сделал вид, что не заметил. Каула могла бы быть его лучшим другом, после Бо, он доверял ей как самому себе, если бы отношения с ней не омрачало чувство вины. Овдовев двумя годами позже его, она так и не вышла замуж, и Морган чувствовал, что одна из причин – желание соединиться кровью с ним. Время от времени он истязал себя попытками заставить себя воспламениться к этой женщине. И всякий раз результатом становилась угрожающая мысль: когда годы загасят естественные потребности тела, а он, наконец, поймет, что ни одна женщина не в состоянии заменить Идель, он, пожалуй, возьмет имя рода Ка-

улы и станет нянчить ее внуков, а к тому времени, возможно, и правнуков. Несколько лет назад Каула ходила в Храм Сердца. Монастырь и место содержания преступников одновременно, затерянный высоко в горах, куда можно попасть только милостью ясновидящих жрецов: если они сочтут твое положение достаточно бедственным, чтобы встретить тебя и провести в святилище, где, по слухам, можно услышать голоса Богов. В Храм обращаются в случаях, когда не остается ничего, кроме как вырезать ножом у себя на груди: «я сделал все, что мог». Посещение Каулой Храма было овеяно молчанием, и у Моргана не хватало мужества расспрашивать: если ее паломничество связано с безответным влечением к нему, он это почувствует, и его мучения усугубятся.

– Как Тойва? – спросил Морган, чтобы избежать нудного изматывающего разговора о домашних делах, который, он чувствовал, вот-вот начнется.

– Неважно. – Худое лицо Каулы помрачнело. Она помолчала, глядя в огонь, и вздохнула. – Жестокий урок. Обратный путь в отряд ей заказан.

– Ее оттуда еще никто не выгонял, – возразил Морган.

Каула посмотрела на него со странным выражением.

– Что ты задумал?

– Докопаться до правды.

Ее брови взлетели вверх.

– До какой правды, Мор? Накурились, ввязались в потасовку с дикарями. Это очевидно.

– Не совсем. Почему она пыталась утопиться, имея при себе кинжал, осадный нож и дордже?

– Ты, как и любой из мужчин, бросился бы на кинжал, не сомневаюсь. Тойва – молодая женщина. Прыгнуть с моста с камнями на ногах – более легкая смерть, бескровная. – Каула поднялась, чтобы наполнить остывший котелок. Подвела его на прежнее место над огнем. – Спроси свою сестру, какую смерть предпочла бы она. Уверю тебя, это будет...

– Дордже! – Морган победно щелкнул пальцами. – Юная девушка, не осознающая еще в полной мере ценности жезла-молнии, количества вложенного в него труда, возьмет зеркальный кинжал, повернет рукоятью к себе, отстегнет ее и приставит кристалл к груди. Легкая, бескровная смерть, почти мгновенная. – Морган наклонился вперед, опершись локтями о колени. – Кау, ты когда-нибудь курила толченый корень водяной розы?

– Нет.

– А я подростком пробовал. И поверь, после этой гадости безразлично, каким способом убиваться. Страх, боль, инстинкт самосохранения стирает начисто. – Морган с кривой ухмылкой пошевелил правой кистью, на которой отсутствовали два пальца. – Укуренный, я отправился охотиться на озерных коньков – вечером, когда они просыпаются и выплывают кормиться. Мне было жутко интересно, как действует мой Дар на этих маленьких зубастых поганцев, которые вечно портят ночное купание: смогу ли я принудить их

вернуться в гнезда и оставить голодными. Когда я явился домой весь в крови, с отгрызенным пальцем в руке – второй гаденыши успели сожрать, – мать голосила на весь поселок.

– Мор?.. – Прищулив глаза, Каула недоверчиво склонила голову. – Сочиняешь. Я такого не помню.

– Не помнишь, потому что это было не дома. Мы с матерью гостили в Сангаме, у ее троюродной сестры, когда у них родился первый малыш. В первый же вечер я завел дружбу с соседской компанией пареньков постарше, а во второй – получил инициацию с наркотиками. И урок на всю жизнь.

– Я всегда считала это делом зубов претов.

– Вот видишь, как я тебя разочаровал. Эта штука лишает самоконтроля. А Тойва совершала осознанные, целенаправленные действия. Она перерезала вены только тогда, когда поняла, что утопиться не удастся. И, даже порезав себя, пыталась прыгнуть в воду. И она помнит, что искала воду. Вода, вода... Кто-то вложил в ее голову намерение умереть в воде.

– А в голову Алсура – не сопротивляться, – скептически закончила Каула. – Мор, корешки на всех действуют по-разному. По правде говоря, я не вижу разницы между твоим поведением и поведением Тойвы. Смерть через утопление могла всплыть из глубин ее собственного сознания: кто-то из ее близких когда-то что-то сказал или сделал, у нее отложилось. Возможно, ее мать во время беременности посещали подобные мысли. Ребенок ведь все чувствует и впитывает. Твоя манера копать вглубь восхищает, но иногда, дорогой

мыслитель, разгадка лежит на поверхности.

Продолжать нет смысла. Морган подавил раздражение и прикрыл глаза, давая понять, что спор окончен.

Вместе с ношей молчания навалилась усталость. Сквозь потрескивание пламени и шум дождя было слышно, как Каула гремит оловянными кружками. Морган вздохнул при мысли о том, что идея Имандры заняться любовью втроем не лишена здравого смысла. Если бы он осознал и прочувствовал его сразу, то сейчас в вертикальном положении находилась бы всего одна часть его тела. А теперь дергаться поздно. Каулу не оставишь одну на посту. Морган соскользнул с бревна, чтобы усесться на землю и опереться на него спиной, но тут же вернулся на место. Еще один мотыль летел на огонек.

Вынырнув из темноты, Тойва остановилась в нерешительности, зыркнула на Каулу с неприязнью. Вся мокрая, без плаща, но при оружии. Спать она не ложилась. Морган улыбнулся краешком рта, поднял свою кружку, которую Каула только что наполнила хвойным отваром.

– Давай-ка согрейся. И тебе нужно больше пить.

Немного помедлив, девушка опустилась на бревно рядом с ним, сделала несколько глотков.

– На меня все косятся, – сказала она потерянным голосом. Ее слова были обращены к Моргану, присутствие Каулы Тойва демонстративно игнорировала. – Все уверены, что мы с Алсуром накурились. А мы не курили. Правда! Я не

понимаю... Не понимаю, как это произошло. Как он оказался здесь, почему не защищался. Теперь, если мои родные не найдут целителя, который восстановит память, Ушан вышвырнет меня из отряда.

Морган заметил, как пальцы девушки коснулись дордже.

«Только попробуй, девочка!»

– Никто не посмеет обвинить тебя в проступке, которого ты не совершала. Люди есть люди. Они всегда будут сплетничать и заключать глупые пари, чтобы похвастаться друг перед другом. – У него не было ни малейших сомнений, что ставки на виновность Тойвы уже сделаны и спорщики с азартным нетерпением ждут развязки. – Если Ушан тебя выгонит, я возьму тебя к себе, под свою ответственность. Договорились?

Морган почувствовал, как спина девушки выпрямилась, а плечи развернулись, словно освободившись от непосильной ноши. Так-то лучше.

– Мор? – Каула вопросительно подняла бровь. – Тайнер не...

Он прервал ее, подняв ладонь:

– Иди спать. Двоих здесь достаточно.

Когда фигура Каулы растворилась во тьме, Тойва вынула из кармана недоделанный брачный талисман – вырезанное из дерева солнце с двумя лунными серпами. Покрутила в руке, а потом бросила в огонь.

– Мы собирались соединиться кровью этим летом. – Ее

голова упала на грудь. — Я подежурю с тобой, ладно? Она обвиняет меня. — Моргана кольнула ее неприязнь к Кауле. — Постоянно заводит разговор о наркотиках. Ковыряется в моей Манне и личной жизни, выискивая доказательства моей лжи. Можно я завтра поеду с кем-нибудь другим?

— Да, конечно. Выбирай кого хочешь. Я, Бо, Ринокa, моя сестра — потеснимся без возражений. — Он выждал, пока Тойва перестанет шмыгать носом, заново наполнил ее кружку ароматной смолистой жидкостью. — Ты говорила, там был всадник. Он не напоминает человека, убившего Алсура?

Тойва долго молчала, потягивая чай. Потом покачала головой.

— У меня не было ощущения, что передо мной деревенский пьяница. Тот... благороднее? состоятельнее? Не знаю... Я не помню даже его одежды. Масти лошади не помню. О Боги... — Тойва уткнулась лицом в колени. — Ни я, ни Алсур ни разу в жизни не пробовали наркотиков! Лингвен, мой старший брат, еще в детстве предупредил меня, что избыет до полусмерти, если узнает... — Прерывистый вздох.

Морган закусил губу, сдерживая улыбку. То же самое, слово в слово, он некогда пообещал Имандре. Угроза действовала безотказно. Он погладил девушку по плечу.

— Это дело свалилось на меня, и я доведу его до конца. Разгадка будет найдена, и ты узнаешь об этом одной из первых, обещаю. Если ты что-нибудь вспомнишь, хоть малейшую деталь, сообщи мне. Где бы я ни был. Мне лично, не

письмом, не через третьих лиц. Я живу в Ивинге. Моего командира зовут Тайнер Наули. По территории мы с вами почти соседи. Тебе не составит труда меня найти. Только ни в коем случае не отправляйся одна!

– Угу, – кивнула Тойва и начала тереть запястьем глаза. – Я знаю Наули. Племянница моего отца замужем за двоюродным братом его жены.

Тойва оказалась комфортным напарником. Общение с ней походило на легкую полупрозрачную ткань, развевающуюся на ветру, – не утомляло, не раздражало, не навевало мрачных мыслей. А возможно, девушка просто внесла свежую струю. Когда неделями видишь вокруг себя одни и те же физиономии, начинаешь тихо звереть. Они выхлебали три котелка чая, обсудили последние новости, обнаружили дальнее родство по отцовской линии и совместными усилиями повысили зону действия Дара Тойвы до полумили. Морган даже не особо расстроился, когда следующая пара дозорных бессовестно не появилась. Почувствовали небось, что здесь и без них неплохо, и завалились обратно, хитрецы. К соням и филонщикам обычно проявляют мало сочувствия: их поливают холодной водой или сбрасывают прямо в спальнике в реку или озеро.

Еще два часа пролетели незаметно.

Незадолго до рассвета прибрел хмурый заспанный Гуан. Он размахивал руками, словно отгоняя слепней, – жест, в котором Морган узнал себя: «убирайтесь, и чем быстрее, тем

лучше, я буду дежурить один». Морган проводил Тойву, завернул за одеждой и спальником Имандры, хотя по уму следовало бы вытряхнуть ее из своего и отправить восвояси в том виде, в каком она явилась, — в одних ботинках. Последнее усилие — пройти несколько ярдов до своей палатки. Выплакавшееся небо посветлело. Из черноты выступила зубчатая линия верхушек елей. Предутренний холод забирался под рубашку. Времени на сон оставалось немного. Морган поднял полог, закинул внутрь барахло.

«Пожалуй, в плохую погоду имеет смысл ставить резервную палатку — храм любви, — думал он, вытаскивая ноги из ботинок и откидываясь в теплую тьму. — Хороший способ лишний раз не раздражать друг друга».

Морган растянулся ничком. И в тот же миг, непроизвольно содрогнувшись, вскочил. Ледяной страх, накативший, словно волна смрада из отхожей ямы, пронзил судорогой все его существо. Внимание, размазанное на полторы мили, инстинктивно сжалось в комок. Мгновением позже среагировал Гуан. Тишину рассекли два протяжных свистка. Шипение заливаемых водой углей. Удары палкой по мокрой ткани палаток. Морган затряс Бо и Имандру:

— Тревога!

Глава 3

До цели оставалось меньше мили. Лес то мельчал, переходил в болото, то вновь выстраивался сплошной стеной. Высокая ущербная луна зябко куталась в обрывок облака, обливая все вокруг тусклым светом. Ветра не было, дождь прекратился. В стылой тишине, нарушаемой лишь редкими шлепками падающих с деревьев капель и далеким уханьем филина, чавканье жирной заболоченной земли под ногами – особенно под Имандриными, которая от нетерпения чуть ли не выпрыгивала из ботинок, – казалось тревожно громким. Глянув полчасу назад на осоловевшую от бурно проведенной ночи сестру, Морган поменялся напарниками с Керном, поставив с ним Бо. На счету паренька нет ни одного Асура: двое молодых, неопытных и смертельно обиженных друг на друга могут натворить глупостей.

Замерший в предрассветной спячке лес. Медленно стягивающееся полукольцо тусклых огоньков – невидимые в лесных тенях крадущиеся воины, прикрытые защитной сетью. Далеко позади – блеклые тени сонных коней и оставшихся стеречь лошадей двоих ребят. Больше ничего. Морган напряженно вздохнул. Чем-то эта тишина сегодня порадует... С момента, как они с Гуаном засекли Асура, Морган прибежал к Дару уже в третий раз. И снова ни малейшего шевеления со стороны врага, ни признаков присутствия его самого,

ни часовых, охраняющих логово, ни выдающих лагерь запахов дыма, еды, испражнений; если у Асура и есть рабы, то он прячет их под землей. Еще есть надежда на неожиданное нападение.

Темный силуэт Имандры впереди вдруг ярко засветился. Морган пихнул ее кулаком в спину и зашипел:

– Что ты делаешь? А ну, закройся! Если у него есть Дар, ты вспыхнешь для него как факел в ночи.

– Но ты же открываешься, – запротестовала Имандра.

– На доли секунды! Проверяю обстановку, присматриваю за ребятами. Никогда не высовывайся, когда приближаешься к Асуру, без прямого распоряжения командира! Твоя задача – наблюдать за своим напарником и в случае чего прикрыть ему спину. Мало того что ты выдашь приближение отряда, Асур может высосать твою Манну. Как дордже. Дордже и Асур – они действуют по одному принципу. Если у тебя дырявая башка, сделай, что ли, наколку-памятку на руке.

Имандра почесала за ухом, покивала с умным видом, а потом спросила:

– А что, у Асура может не быть Дара?

Морган прикрыл глаза и медленно выпустил воздух сквозь зубы. Самое время для ликбеза.

– Изначально он у них в зачаточном состоянии, как у дикарей. Но в отличие от дикарей они способны быстро развивать его – за счет Манны, которую они отнимают у других существ. Начинают с мелких животных – их духовные обо-

лочки проще отделить от физического тела и усвоить. Постепенно переходят на более крупных, разумных, высокоорганизованных существ и доходят, наконец, до людей. Как дети в первые месяцы жизни растут на материнском молоке, настоях трав, ягодной пасте, болотных грушах, а взрослея, приобщаются к рыбе, мясу. Одних Асуры превращают в рабов, других, обычно детей, женщин и стариков – тех, от кого в бою мало толку, – используют в качестве пищи. – «О Боги! В который раз я это повторяю?» – Чем больше Манна Асур накапливает, тем сильнее проявляется Дар – это примерно как наращиваешь силу мышц тренировками. Но если наши возможности имеют предел – ты не удержишь Манну больше, чем тебе отпущено природой, и никогда не станешь горой мускулов, как ширококостный Эйж, – то у Асуров они безграничны. Это бездонный сосуд.

Морган искоса глянул на примолкшую сестру: обдумываются его слова или выветриваются? Нога наступила на что-то длинное и твердое, сломавшееся с громким хрустом. Голос Имандры отвлек его от мысли о том, что это могло быть.

– Тойва обиделась за то, что ты оставил ее стеречь лошадей. Она ни разу не участвовала в схватке с Асуром.

– Хватит еще Асуров на ее век, – мрачно проворчал Морган. – И на твой тоже, не скалься.

Даже в лесном полумраке было видно, как зубы сестры блеснули в еще более широкой улыбке.

– Может, это и есть тот Асур, который ее цапнул?

Морган скрыл самодовольную ухмылку. Подзатыльники не проходят даром.

– Приятно слышать, что ты не поддерживаешь мнение большинства, – заметил он. – Будь добра, разговаривай вполголоса и не шлепай ногами, как пятилетний пацан. – «А главное – не лопни от гордости».

– У большинства вообще нет никакого мнения, – тоном повидавшего жизнь старца изрекла Имандра. – Они тупо повторяют за тем, у кого оно есть и соответствует устоявшимся представлениям. Ненавижу, когда человека начинают с ходу обвинять, не зная подробностей! Мы с Тойвой вчера вечером вместе мылись на пруду. Потрясная деваха. Такие не ширяются. И фигурка чудная. Соски в полгруды. Если бы она не была ранена, я бы ее навестила после полуночи.

Прежде чем Морган сполна проникся услышанным, выступающий из земли корень подставил ему подножку. Рука сестры услужливо поддержала его за локоть.

– И давно ты интересуешься девушками? – осведомился Морган подчеркнуто безразличным голосом.

– С тех пор как убедилась, что все мужики сволочи, – с вызовом отозвалась Имандра. – Ну, кроме Бо, разумеется.

У Моргана едва не вырвалось язвительное «не забудь похвастаться мамусику». Он вовремя прикусил язык: если мать узнает, ясно, кто выйдет виноватым. И мысленно отмахнулся от свалившейся на него новой проблемы. Перебесится. А если и нет? Дед тоже на двух фронтах наяживал. Это не по-

мешало ему быть блестящим бойцом, иметь жену и пятерых детей и дожить до ста тридцати лет.

– Руэлл, откуда они вообще берутся?

– Сволочные мужики?

– Асуры, балбес!

Откуда берутся Асуры... Кто ж их знает? Из каких-то врат. Незвестных или известных, но труднодоступных и поэтому неохраняемых. Расположенных на каком-нибудь неза-селенном материке или острове посреди океана, в каком-то из двух миров. А вот место, откуда они проникают через врата сюда... На этот вопрос не знают ответа даже ясновидящие жрецы. Или знают, но намеренно помалкивают. Легенды утверждают, количество Асуров конечно. Не имея физических тел, Асуры не способны к размножению. Но за столетия все могло измениться, а легенды могут лгать. За годы своей жизни Морган не заметил, чтобы Асуров стало меньше. Впрочем, не стало их и больше.

– Откуда берутся вши, клопы, тараканы? – проворчал он. – Кончай болтать. Приближаемся.

Лес постепенно редел, чавкающий мох сменился песчаником и вересковыми зарослями, наметился пологий подъем. Стали попадаться валуны, островки молодых берез и ив. Голубоватый утренний свет пригасил лампадки звезд. Далеко впереди прорисовалась округлая вершина холма.

– С защитной сетью ночью в лесу чувствуешь себя по-идиотски. У меня шея болит от постоянного верчения головой, –

пожаловалась Имандра. – Эй! Ты чего? – Она припала ухом к земле вслед за Морганом. – Думаешь, он там?

Морган сжал ее запястье:

– Ш-ш...

– Кто-то бежит!

Краем глаза Морган увидел, как сестра вскочила и загорила его собой, повернувшись лицом к бесшумно приближающейся массивной фигуре. Шаркнул обнажаемый клинок. Фигура замахала руками. Послышалось прерывистое дыхание. Рядом с Морганом опустился на четвереньки Коймор. Его круглое озабоченное лицо блестело от пота.

– С противоположной стороны крутой склон и сплошной песок. Внизу речная заводь. Вход в нору в середине, ближе к верху. Лучники занимают позиции по краям обрыва – на случай, если атака начнется оттуда, – быстрым полусшепотом доложил Коймор. – Надежно окопался, гаденыш! Подрыл холм! – Он со злостью сплюнул. – Тут повсюду обугленные кости. Мы наткнулись на три кострища. У него до хрена рабов! Как Ушан умудрился его проворонить?

– Его отряд вполтину меньше нашего, а территория по площади такая же. Кой, я слышал плач ребенка – там. – Морган тихонько похлопал по земле. Они поползли, прислушиваясь и прощупывая вересковые кустики. – Вот! – Морган аккуратно раздвинул ветки, маскирующие круглое отверстие шириной с кулак. Вентиляционная шахта. – Отбросив осторожность, он обратился к Дару. – Грот прямо под

нами, — зашептал он. — Девять человек. На всех скверна. Почти все спят. — Пищевые припасы хозяина. Трое из девяти были детьми разного возраста, один ребенок задыхался от легочной лихорадки: Морган не стал говорить об этом при сестре. — Из грота ведет узкий коридор. Далее раздваивается. Левая ветка заканчивается... пустым гротом. Правая... — Перед его внутренним взором вспыхнула россыпь огоньков-жизней, опутанная серыми, с черными пятнами, нитями — щупальцами Асура. — Еще дюжина! Эти охвачены паникой, но пока никуда не бегут. — Он начал внимательно присматриваться к этой мешанине, ища в ней темно-красную пульсирующую спираль — сердце Асура, средоточие его жизненной силы, место, куда он втягивает чужую Манну, где ее перерабатывает и хранит. Именно сюда и нужно целиться жезлом, чтобы уничтожить тварь.

— О Боги, ну и вонь оттуда! — ахнула Имандра, втискиваясь между ним и Коймором. — Дай посмотреть! Руэлл... Ну, ты!..

— Мор, давай назад, — занервничал Коймор. — Он не сидит закрывшись.

С некоторым сожалением — следовало бы собрать побольше информации о том, сколько их и где, — Морган вытянул свою Манну на поверхность, и его инструментом снова стало убогое физическое зрение. Парень прав. Плутать по коридорам наудачу опасно. Да и время поджигает. Он пихнул локтем прилипшую к дыре Имандру и сказал вполголоса:

— Встала и пошла обследовать склон. — Чтобы сестра услы-

шала его, Моргану пришлось поднять ее за подмышки, как следует встряхнуть и дать тычок в спину. – Ищи крупные булыжники. Но не мертво сидящие в земле, а подвижные, которые могли бы прикрывать лаз.

«Выход наверняка не один. Я бы сделал выходы в тылу и за рекой – на случай атаки с любой стороны. Хватит ли у нас людей? И не слишком ли далеко мы оставили ребят с лошадьми? Если они окажутся отрезанными...»

Морган заставил панические мысли изгладиться из сознания. Он коснулся плеча Коймора:

– Иди с ней. Нору пока не трогаем. Ищем запасные выходы. – Нарботанная стратегия охоты на пещерных сидельцев. Не нападать первыми, не создавать шума и суматохи.

Коймор кивнул и бесшумно исчез.

Высокоразвитые Асуры ведут себя хитро. Если Суров много, они редко нападают на них сразу; прячутся, прикрывшись защитной сетью, выжидают, когда начнется схватка между рабами и Сурами и станет ясно, на чьей стороне перевес. Если рабам удастся ослабить противника, Асур выходит из тени – выслеживает раненых, тех, кто плохо владеет защитой или проявил неосторожность, открывшись надолго, и вырывает Манну. Манна колдуна – настоящий подарок, магическая сила Асура возрастает в десятки раз. В случае же явного превосходства сил Суров тварь отбрасывает щупальца, как ящерица хвост, сворачивается в клубок и улетает под шумок – либо по воздуху, как шаровая мол-

ния, либо по подземному коридору, выводящему на поверхность, на безопасное расстояние от смертоносных дордже. А несчастные, в чей разум вбито уничтожать любого, кто угрожает жизни хозяина, продолжают проливать за него кровь. Сквозь толщу камня и земли Асуру просачиваться тяжело, он тратит на это много силы, хотя некоторые в критической ситуации решаются. И тогда Асура вообще не достать. Ни Дар, ни молния, выстреливающая из жезла, не проникают в плотные субстанции глубже чем на десяток дюймов. Хочется верить, этот экземпляр себя так не поведет. Морган ковырнул землю носком ботинка. Хотя здесь песок... Сквозь песок двигаться проще.

Осторожно ступая по обратной стороне потолка логова, Морган взобрался на холм. На фоне кустов и неровностей почвы по краям обрыва темнели силуэты товарищей. Внимание задержалось на зияющей в песчаном карьере дыре и протоптанной к ней справа по естественной террасе тропке. Обрыв почти отвесный, кое-где из-под песка проглядывает глина. Оступившись, лететь будешь недолго, но кувырком и без остановки. Дикари не станут отсюда атаковать. Бессмысленно держать здесь столько людей. Морган отозвал нескольких человек, оставив на норе четверых.

Снова подвергнув себя смертельному риску, он снял защитную сеть. Внимание прошло сквозь воду, коснулось дна. Двадцать футов. Тоннель на глубине двадцати футов, протяженностью... чтобы тварь гарантированно спаслась от пре-

следования, он должен заканчиваться за границей леса. С учетом ширины реки это примерно полмили. Трудоемкая длительная работа. Но посильная. Если тварь выскочит на том берегу...

«Эта ноша ляжет на мои плечи».

Из-за деревьев донесся вопль. Звон металла. Крики. Снова вопль... захлебывающийся болью и кровью. Началось! Морган бросился по склону вниз, одной рукой выхватывая из ножен осадный нож, а другой проверяя, хорошо ли отстегивается рукоять кинжала, скрывающая внутри себя дордже; едва не сбил с ног выскочившую наперерез Имандру.

– Нашли два выхода! – прокричала она, задыхаясь от волнения и быстрого бега. – Один в лесу. Откуда мы пришли. Рабы оттуда и атаковали. Другой справа. У подножия холма. Там на берегу рыболовные сети. И лодки к деревьям привязаны. – погоди! – Имандра дернула его за рукав. – У меня тетива лопнула. Сама.

Сами собой лопаются только мыльные пузыри. Ах... Мышцы руки инстинктивно напряглись. Так бы и врезал.

– Оружие проверяют до схватки, а не во время, – проворчал Морган, на бегу снимая с плеча лук и колчан. Хорошо, они одинакового телосложения и почти одного роста. Отпустить ее в первый бой с ножами, пусть и длинными, он опасался, хотя на тренировках у нее неплохие результаты. А их мечи остались там же, где и лошади: такой удобный в конном бою, меч совершенно бесполезен в лесу. – Вперед не лезь.

Держись на расстоянии, с которого сможешь наверняка поразить цель. Стреляй во всех дикарей, которых увидишь. И не вздумай соваться в логово! – Рука рефлекторно сжалась в кулак. «Сунешься – избыю!» – Никакой самодеятельности! Ни в коем случае не открывайся без необходимости, надолго и шире, чем того требует расстояние до противников. Если накатит панический страх...

– Надо сию же секунду закрыться, повернуть рукоять зеркального кинжала до щелчка и держать жезл наготове, – продолжила Имандра, передразнивая его поучительные интонации. – Если появится ощущение давления, значит, Асур близко. Надо открыться, определить местонахождение твари и направить в нее наконечник жезла.

«А дальше – кто кого опередит... – Морган вздохнул. – Рановато тебе выдали жезл, родное сердце. Ох, рановато».

Он не успел разразиться новой порцией инструкций. Впереди, ярдах в пятидесяти, зашевелился и выскочил из земли пень. Ишь какие сообразительные! Он обвел взглядом мелкоколесье. Сколько тут еще таких пней... И с удовлетворением отметил, что стрела сестры с чавканьем вонзилась в плоть вытолкнувшего пень дикаря. Из образовавшейся дыры вынырнули еще три фигуры. Одна, со стрелой в бедре, выронив топор, со стоном рухнула на мертвого товарища.

– Добивай, дура! – заорал Морган.

Вторая стрела, с некоторой заминкой, попала куда надо. Убитой оказалась женщина...

Морган увернулся от летящего в него булыжника. Любимое оружие крестьян. Бросился с ножом на метателя камней. Извлекаемое из плоти длинное, широкое у основания и сужающееся к концу лезвие, напоминающее воловий язык, издало мерзкий, привычный ушам хлюпающий звук. В памяти издевательски замелькали перекошенные лица священников, с неприязнью отсчитывающих деньги за охрану и зачистку территории. Два пришлых народа, бывшие некогда одним, ведут между собой войну на их земле, под их небесами, оставляя после каждой битвы гору трупов коренных поселенцев. Вряд ли дикарям доподлинно известно о кровном родстве Суров и Асуров, но они имеют полное право ненавидеть и тех и других. Куда и как перенести эту войну?.. Морган прогнал навязчивые видения и неразрешимые вопросы.

«Это всего лишь мишени. Мешки с соломой. Нет, с навозом... Сто семьдесят фунтов навоза, запихнутого в кожаный мешок. И ничего более».

Еще один мешок... Крик... Хлюпанье... И еще один...

Еще несколько пней ожило. Мишени начали довольно шустро вылезать на поверхность. Решили ударить одновременно из всех нор. Что там у реки? Вести, посланные Даром, вызвали вздох облегчения: людей достаточно.

С двух сторон, как ястребы на кроликов, спикировали Бо, Керн, Эйж и Марик. Морган не стал закрываться. Раз его лишили лука, он займется поисками хозяина холма. Отговорка для отсутствующего Тайнера, который вечно зудит, что за-

дача командира – не рисковать своей шкурой, а делать так, чтобы воины оказывались в нужное время в нужном месте, и, к своей чести, иногда даже следует этому правилу. В сегодняшней ситуации воины и без распоряжений знают, как действовать. Так что...

«Наверху я не необходим».

Удача улыбнулась Моргану: дикари из-под первого пня закончились. Временно. Внизу на подходе еще шесть... нет, семь мишеней. Четырех конечностей и осадного ножа хватит, чтобы очистить от них подземный коридор. Морган осторожно расширил зону восприятия еще на десяток ярдов и выругался.

«Гаденыш! Куда бы ты ни зарылся, ты наш!»

Коридор оказался не шире отверстия, через которое Морган спрыгнул в логово, и явно не был рассчитан на его рост. Идти приходилось сгорбившись. Сколько же рук потребовалось, чтобы прорыть эти катакомбы... Асур будто уводил людей целыми семьями, деревнями. Тех, кто не в состоянии работать, пускал в пищу, а тела сжигали их же мужья, жены, дети. Встречный факел высветил поворот налево. Морган прижался к стене, отбивая пику – нож, навинченный на дубинку. В ту же секунду в него полетел булыжник. До чего же они их любят. Хоть и двигаются с черепашьей скоростью. Камня Морган не видел, угадал его по взмаху руки. Он успел сделать выпад назад, поднять пику и из полуприседа метнуть ее обратно. Крик мишени, не ожидавшей атаки левой рукой,

захлебнулся глухим бульканьем и хрипом: пика вошла в горло. Камнемета Морган уложил быстро и бесшумно, проткнув осадным ножом. Двинул ботинком в пах мельтешащего под ногами низкорослого дикаря и отбил обнаруживший себя в свете слепящего глаза факела клинок.

Орудия дальнего боя, похоже, закончились. Дикарь попытался ткнуть Моргана факелом. Удар ногой по локтю выбил огненный шар из руки мужчины. Морган инстинктивно отскочил назад. Факельщик, спасаясь от своего бывшего орудия, рванулся следом за Морганом и обмяк, напорвшись на «воловий язык». Коридор огласили вопли: на ком-то загорелась одежда. Отзвук адской боли полоснул как лезвие, но накинуть защитную сеть означает потерять ориентацию. Морган с радостью прекратил бы мучения несчастного, если бы дикари в панике не перекрыли проход: ширина коридора – расстояние до стен, если стоять посередине, – не превышала длины полусогнутых рук. На помощь горящему никто не пришел, и у Моргана появился дополнительный стимул побыстрее завершить схватку. Брошенная веером горсть песка лишила глаза противников преимущества: по крайней мере, двое из них теперь видели так же плохо, как и Морган. Это оказалось чертовски мудрым решением: они захлебнулись кровью прежде, чем их пылающий товарищ последним криком.

Морган забросал песком охваченное пламенем тело, прихватил факел и побежал. Впереди развилка. Один коридор

ведет в пустой грот с несколькими вентиляционными отверстиями и грязными матрасами на полу – бывшее жилище его жертв; другой, постепенно сужаясь, – в тупик. Прежде чем повернуть в тупик, Морган затушил факел: огонь разгоняет крошечную тьму, но пожирает и без того скудные запасы воздуха. Идти становилось все труднее, песок цеплял ступни. Очевидно, изначально это была естественная сухая пещера; Асур углубил и разветвил ее. Еще несколько ярдов, и Морган опустился на четвереньки, пополз задом наперед, почти касаясь потолка спиной. Он знал эту хитрость. Родовая память Асуров все еще хранит воспоминания о том, что они – дети гор. Твари превосходно соображают, как сделать логово невидимым для Дара своих врагов. Достигнув конца коридора, Морган перевернулся на спину, согнул колени и с силой ударил ступнями в торец тупика. Здоровенный булыжник, затыкающий аккуратный круглый лаз, рассчитанный на человека средней комплекции, выкатился в просторный грот. Морган, в облаке пыли, выполз следом. Поднялся на ноги, вытряхивая из волос песок.

Ух... Самое сердце логова. До ближайшего выхода – в обрыв, с учетом кривизны и рельефа коридора, ярдов пятьдесят. Внимание выплеснулось наружу, словно вода, прорвавшая плотину. Кто-то, прикрытый защитной сетью, неспешно двигался по обрыву. Не по глиняной террасе, а в противоположном направлении. Самое опасное место. Опасное для людей. А для того, кто *не человек*... Неизвестный немного

ускорил темп, а потом заскользил вниз – ловко, уверенно, словно спускался отсюда десятки раз и знает каждую ямку, каждый выступ. Вокруг – никого. Все, кто оставался караулить нору, умчались на подмогу остальным.

«Болван! – ругнул себя Морган. – Тайнер бы это учел». Он побежал к выходу настолько быстро, насколько позволял глубокий сухой песок под ногами. Ребята поступили правильно: дикарей слишком много. Каждый раз дикарей оказывается больше, чем ожидаешь. «Или это нас становится меньше?»

И тут Морган заметил, что он не единственный заподозривший неладное. К обрыву несется еще кто-то, видимый под защитной сетью как уголек под пеплом, а за ним на некотором удалении – еще двое. На какие-то доли секунды беглец приоткрылся: почуял преследователей? Прежде чем внимание Моргана отпрянуло назад, перед внутренним взором сверкнула Манна твари: переливающееся темно-красным, коричневым и оливковым, с чернильно-черными краями, облако и – Морган ахнул в шоке – вращающаяся белесая воронка в центре. Асуры умеют ЭТО?! Активный защищенный канал! Асур кем-то управляет на расстоянии – дикарем или неосторожным Суром, позволившим себя подчинить. Воображение издевательски подкинуло второго Асура. А если не управляет? Если это Асуры подпитывают друг друга Манной, обмениваются информацией? О нет! Могли ли твари, люто ненавидящие друг друга испокон веков, вдруг

взять и подружиться? Морган вытер рукавом лоб, покрывшийся испариной. Сплочение Асуров... Это будет самая короткая война на свете. Реки крови, берега из мертвых тел. Раса Суров прекратит свое существование за считанные дни. Кошмар, который начнется дальше... за пределами воображения.

Коридор круто пошел вверх – пришлось карабкаться на четвереньках, – потом резко вниз. Морган выкатился из пещеры за счет собственного веса. Летящее в безумном прыжке тело – Бо! – обрушив на голову ливень песка, чуть не увлекло Моргана за собой. Ярко-красная вспышка. Высокий протяжный вибрирующий вопль, почти не воспринимаемый ухом, но заставляющий тело покрываться потом и дрожать в такт. Бо покатился вниз. Живой!

«Держись, дружище! Расслабь мышцы и позволь телу падать свободно. Сколько раз ты кувыркался в горах...»

Моргая и отплевываясь, Морган на ощупь двинулся по глиняной террасе вплотную к песчаной стене. С засыпанными песком глазами повторять путь твари было бы идиотизмом. Когда до края обрыва, где начинаются кусты и можно спуститься, оставалась пара шагов, ступня обо что-то споткнулась. Потерявшее равновесие тело соскользнуло вниз. Мгновение Морган висел, цепляясь за ускользящий из-под пальцев песок под аккомпанемент собственного крика. Потом мир, несколько раз провернувшись в бешеных сальто, обрушил ему на спину песчаную жижу. Из легких резко вы-

шибло воздух, как от удара под ребра. Морган перевалился на живот, приподнялся; стоя на коленях и локтях, дышать легче. Перед глазами плавал сине-желто-красный бульон. Откуда-то доносились крики: они то затухали, то слышались вновь, словно эхо заблудившегося в скалах грома. Он плеснул в лицо воды, хлебнул из пригоршни, рот заполнил металлический привкус. Обретший относительную ясность взгляд встретился с добрым прищуром и полуулыбкой Бо. Внезапно стало очень тихо. Вода вокруг тела медленно окрашивалась в красный цвет и, захваченная течением, тянулась в реку. Поток уносил ее, постепенно растворяя красный до розового; потом исчезал и он. Дар агонизировал, ища уголек, который мерцал несколько мгновений назад, а теперь вдруг исчез.

Обеспокоенные голоса. Шорох песка. Плеск воды. Чья-то рука приподняла голову Бо, обнажив торчащие из воды верхушки камней. Небольшие, незаметные сверху. Другая рука подобрала лежащий на песке жезл, выпивший Манну Асура, как тот выпивал ее у своих жертв. На зеркальном клинке полыхнули лучи солнца, ударив по глазам. Морган провел ладонью по векам, размазывая слезы, смешанные с песком и кровью.

– Повезло, – произнес кто-то.

«Кому?» Морган повернулся на голос с удивленно поднятыми бровями, но из-за плавающих перед глазами темных пятен ничего не увидел. Ослышался?

– Эй! – На плечо опустилась тяжелая рука. – Это несчастный случай.

Морган дернул плечом. Рука исчезла. Ее обладатель попытался поднять его на ноги, взяв под мышки, и тут же, помянув недобрым словом его мать, отскочил, спасаясь от удара локтями в грудь. Эйж. Кто же еще? Единственный из присутствующих здесь свидетель гибели жены. Второго утешителя Морган тогда нечаянно убил, толкнув на камни, а еще двоим переломал кости.

С правого бока под села Каула.

– Прощу тебя, пойми.

– Понять что? – огрызнулся Морган.

– Что это несчастный случай.

Тот случай тоже был несчастным.

«По моей вине».

Он отвернулся и стал смотреть на нависшие над далекими, покрытыми лесом холмами, мрачные, налитые дождем тучи. Любящие люди, друзья – вот у кого самая цепкая память. Враг может ослабить внимание, забыть, отвернуться; любовь никогда не совершит такой оплошности.

Пространство вокруг постепенно оживало, наполнялось движениями и звуками. Тело Бо подняли и понесли в сторону песчаного пляжа. В лесу добивали последних дикарей. Холмы заслонила шкафообразная фигура Коймора. Он смывал с себя кровь, громко сморкался и говорил, обращаясь неизвестно к кому:

– В ста ярдах к северу большой овраг. Стащим всех туда. Хорошо, что здесь песок. Дождутся своих родичей целенькими.

Его слова моментально вернули Моргана в реальность, словно его голову хорошенько встряхнули, как бутылку бродающего вина, – так, что вышибло пробку. Он протестующе захрипел:

– Пускай сперва на убитых взглянет Тойва. Нет ли среди них того всадника. Вдруг Асур управлял тем парнем... – Канал! Проклятье! Так хочется думать, что это был обман зрения. – Ты не заметил у Асура чего-нибудь необычного? – спросил он Коймора.

– Канал? – разочаровала Каула. Она все еще сидела рядом. – Ринок тоже видела.

Коймор, который в этот момент расстегивал рубашку, замер. Воцарилось могильное молчание. Казалось, дневной свет померк от страшных картин, заполонивших мысли окружающих. Пока народ переваривал шокирующую новость, Морган пытался выяснить, нет ли больше погибших. Нервное метание Дара от одного огонька-жизни к другому сбивало с толку. В итоге Морган недосчитался четверых, включая сестру. Его охватил приступ паники.

– Кого еще мы потеряли? – вскрикнул он, вскакивая. – Где Има?

– Я здесь, – донеслось из-за спины.

Так тщательно искал, что не заметил. Он обернулся, по-

шатываясь, и осмотрел сестру с головы до ног, чтобы удостовериться, что перед ним не призрак и она не ранена.

– Никого, – ответила Каула.

– Раненые?

– Трое. Ничего серьезного. У Ороя сломано два ребра. У Дьалы и Чейна ножевые ранения. Ринокка и Озри ими занимаются. Ребята раскидывают лагерь выше по течению. За лошадьями уже пошли.

– В гротах остались живые, – промокая грудь забрызганной кровью рубашкой, пробурчал Коймор без малейшего энтузиазма. – Им не выйти.

Морган почувствовал спазм в горле и бурление в желудке, тело пронзил тошнотворный озноб.

«Боги, как я же устал от этого милосердия».

Он проверил, все ли клинки на месте, вытер о штаны кровотокающие ладони и поплелся вдоль кромки воды в обход холма, выискивая внутренним зрением ближайший лаз, который позволил бы меньшими усилиями проникнуть в заполненный людьми грот. Он мог бы свалить эту грязную работу на кого угодно, если бы кто-нибудь ненавидел ее меньше, а он бы не искал повода уединиться. За спиной захрустел песок под ногами Эйжа.

– Я в порядке, – сухо бросил Морган. – Один справлюсь.

– Там *два* грота, Мор.

Душная тьма пещеры, почти осязаемая от нестерпимого

запаха кала, мочи и разложения. Обезумевшие глаза бывших рабов в свете факела, на краткий миг вспыхивающие надеждой. Иногда несчастным дают снадобье, чтобы сперва усыпить. Но на такое количество людей снотворного не напасть, и многие откажутся пить, приняв его за яд, — так было не раз.

Искаженные предсмертным ужасом лица, кровь, плач и вопли. За неполные три десятка лет Морган отточил движение руки до совершенства — его жертвы умирали мгновенно, — но так и не смог выработать равнодушия к беззащитным, в ответ на отчаянные мольбы о жизни получающим удар кинжалом в сердце.

Угрюмый, забрызганный кровью Эйж. Серые лица мертвецов и такие же, от усталости утратившие оттенки, лица ребят. Морган пытался считать трупы, пока их перетаскивали в один грот, но быстро сбился: мозг словно онемел. Прохладная вода, смывающая пот и кровь. Умиротворенное лицо Бо. Погребальный костер, Мантра Последнего Очищения. Теплый прах на ладонях. Разбросанные по поляне темные конусы палаток.

Все это пронеслось как в кошмарном сне.

Запах жарящегося мяса вместо аппетита вызвал тошноту. Морган побрел прочь от лагеря. На берегу реки, под ивами, было сложено подобранное в катакомбах оружие: самодельные пики и кистени, мотыги, охотничьи ножи, топоры, ломы и среди этого хлама несколько неплохих мечей, в про-

шлом явно принадлежавших гвардейцам. В сторонке за деревьями кое-кто из молодых и не очень, словно вороны, клюющие падаль, ковырялись в куче награбленного Асуром руками рабов добра. Величина кучи и контингент вокруг нее не оставляли сомнений: и пещеру, и карманы убитых обшмонали подчистую. Моргана передернуло. Обычно берут только еду, и не больше, чем необходимо на отряд. Он вздохнул и отвернулся. Дурные привычки некоторых личностей, чьи родители подали им скверный пример, невозможно искоренить ни кулаками, ни словами. И он сейчас не в том состоянии, чтобы воевать с собственными бойцами. В ответ на замечание его забросают аргументами, и ясно какими: вытрясти из попов деньги за уничтожение твари вряд ли удастся, а так хоть какая-то компенсация. Попы делятся на две категории: одни не верят в существование невидимых демонов, другие *притворяются*, что не верят, дабы отмазаться от оплаты.

Морган блуждал между деревьями неприкаянным признаком, пока ноги не начали вязнуть в болоте. Пришлось отмотать десяток шагов назад. Он уселся на землю под одинокой березой на опушке, прислонился затылком к морщинистой коре и закрыл глаза. Внутри ныла пустота. Зияющая дыра от груди до паха, словно из него вырвали все внутренности. Морган обхватил себя руками, чтобы хоть чем-нибудь ее заполнить. Покой длился недолго. Пришла Имандра и уселась рядом. Взгляд моментально сфокусировался на земле,

выискивая дубинку, подходящую для того, чтобы сломать о ее голову, если из ее рта выскочит очередной перл идиотизма.

– Мы убили всех этих людей... детей, женщин, – медленно произнесла Имандра. Без осуждения, без жалости, без дрожи в голосе. – Почему?

Морган выпрямился, крепко сцепил ладони, собирая остатки сил. Этот вопрос все равно лег бы на стол. Лучше разобраться с ним здесь и сейчас, покончить с этим раз и навсегда. Дома о жертвах Асуров говорить не принято. Молодежь узнает ужасную истину, когда видит ее собственными глазами. Морган лелеял надежду, что сестра услышит правду из уст того, кто может преподнести ее мягко либо по-тайнеровски, чистым матом. Но Имандра не стала тормозить ни целительниц, ни приятелей, ни Эйжа, соучастника кровавой расправы, и не поленилась пройти за объяснениями полмили. Рассудительная, дура. Он набрал воздуха для храбрости.

– Порабощенные Асуром умирают следом за ним. Как только связь с хозяином обрывается, скверна начинает разъедать Манну бывшего раба. Ну, как ржавчина или плесень. Вместе с Манной разлагается тело. Сгнивает заживо. Человек при этом испытывает адские боли. Это продолжается три – пять недель, если он не сгорит от лихорадки или не убивает себя раньше. Мы избавляем их от мучений.

Дыхание сестры замерло.

– Это не является и никогда не станет твоей прямой обя-

занностью, – успокоил ее Морган. – Даже если ты когда-нибудь будешь командовать отрядом, ты можешь поручить это дело мужчинам. Но ты должна знать. Человека, оскверненного Асуром, нельзя оставлять в живых. Даже если этот человек... ты, или я, или Ринок.

– И целители бессильны?.. – прошептала Имандра одними губами.

– Очищая пораженную Манну, целитель заражается скверной. И то же происходит с теми, кто близко контактирует с таким больным без защитной сети. Говорят, если скверны ничтожно мало, если Асур едва коснулся тебя, есть шанс... – Морган невыразительно взмахнул рукой. – Но я не слышал ни об одном, кто, хватанув скверны, остался в живых.

– То есть излечить все-таки реально, но ценой жизни целителя? – с надеждой уточнила Имандра.

Морган пожал плечами, невидящим взглядом глядя вдаль.

– Не знаю. Целитель не принадлежит себе. Принести себя в жертву ради спасения одного, лишив шанса выздороветь и выжить сотни... Кем в таком случае должен быть тот, кому приносится жертва? Гением? Спасителем мира? И сможет ли он принять ее... жить с камнем на сердце... весь остаток жизни доказывать себе и окружающим, что достоин этой жертвы... лишиться права на ошибки... – Быстрым движением Морган смахнул с лица соленую влагу. – Неправильно

ведешь себя в бою. Открываешь спину.

– Так доспех же. – Имадра трянула полый жилета, скрывающей между двумя слоями кожи стальную чешую.

– Смотря с какого расстояния в тебя стреляют. С близкого отдача все равно есть, и синяк от удара болит долго. Или ты думаешь, что, если Дар мастера упрочил структуру стали и кожи, стрелы будут отскакивать от тебя, как градины от булыжника? Могла бы и куртку надеть.

– Какие стрелы, Руэлл? – Под ухом раздался тихий при- свист, которым обычно сопровождают кручение пальцем у виска. – У них не было луков. В куртке жарко. Она мне велика. И я похожа в ней на карпа.

– А могли и быть. Тогда ты была бы похожа на дикобраза.

– Марик говорит, дикари ничего не смыслят в оружии. У их стрел кремневые наконечники, ими только по курам стрелять. Ты вообще никакой защиты не носишь.

Морган фыркнул.

– Марик... Нашла эксперта. Полтора года в отряде, мать до сих пор портки стирает. – И, прочистив горло, рявкнул: – Делай как я говорю, а не как я делаю!

– Там обед готов, – ровным голосом сказала Имандра. – Ребята зажарили теленка. Парной. Нашли в пещере. И еще один там лежит, засыпанный луком, солью и перцем. И хлеб. Его немного, но Кау нарезала так, что хватит на всех.

Морган промолчал. Сделать так, чтобы сестра ушла сама, – задача, по сложности сравнимая с тотальным уничто-

жением Асуров.

– Зато в следующей жизни Бо родится в мире Дэвов. – С терпением, достойным целителя, ухаживающего за тяжело-раненым, продолжила Имандра.

Да, так утверждают легенды. И в молитвах, которые друзья и родичи покойного три дня читают над прахом, помимо обращения к Богам, содержатся инструкции освободившейся душе: как себя вести, чтобы вернуться в мир младших богов. Тысячелетия назад полубоги Асуры, стройные прекраснотицы гиганты, были прокляты и изгнаны Дэвами за гордыню, властолюбие и воинственность. Новым пристанищем изгнанников стал мир, где большую часть суши занимают затянутые вечными ледниками горные массивы, безводные плоскогорья, озера с кипящей водой и ядовитые болота, а вместо почвы землю покрывает толстый слой вулканического пепла. Сражаясь за крохотные зеленые оазисы, низвергнутые полубоги возненавидели друг друга. Чтобы Асуры сполна прочувствовали свою мерзость и не поубивали друг друга, Дэвы наделили их бессмертием. Некогда красивые тела со временем иссохлись и скрючились. Там, где плоть истлела и рассыпалась в прах, зияли страшные дыры. Серая выцветшая кожа рвалась при каждом движении. Губы исчезли, и черепа, лишённые кожи и волос, скалили длинные черные зубы. Не живые и не мертвые... Даже Дар не мог предохранить тела от разрушения. Дэвы оставили загадочное пророчество: *однажды придут чужаки; тот, кто со-*

единится с ними Манной и смешает свою кровь с их кровью, получит власть над миром, и будет его жезлом любомудрие, но прежде нужно переродиться, сгореть изнутри – такой освобождается от проклятия. Чужаками были предки нынешних дикарей – небольшая группа людей, заброшенная в негостеприимный мир Асуров волей страшного катаклизма, который спровоцировал наложение миров.

Обезумевшие от кровавых междоусобиц и предвкушения освобождения, Асуры воевали за чужаков как за трофеи, пока люди из страха быть растерзанными могущественными титанами-колдунами не начали убивать самих себя. И тогда некоторые Асуры одумались и заключили друг с другом перемирие. Безлунной ночью, в грозовую бурю, они увели самых здоровых и выносливых пленников высоко в горы, где расселились по пещерам и при помощи Дара заставили людей вступить с ними в брак. Почти все женщины-чужачки, зачавшие от Асуров, умерли при родах, но дети благополучно появились на свет. Их Дар был слабее, чем у Асуров, они обладали крепкими красивыми телами, высокой выживаемостью и лишились треклятого бессмертия и великанского роста.

Те Асуры, что остались в долинах, овладели чужаками иначе: выпили их Манну и кровь, а потом ушли в их мир – изувеченный катаклизмом, но обещающий вскорости снова стать зеленым и плодородным.

Каждый истолковал пророчество по-своему...

Спустя несколько столетий полукровки спустились с гор и нашли оазисы, яблоко раздора предков, тихими и безлюдными и основали поселения возле горячих источников и рек, полных рыбы. Спокойствие оказалось обманчивым и недолгим. Первый же налет демонов, в которых потомки Асуров узнали своих бывших сородичей, явил страшную правду. Открылись пространственно-временные тоннели, и через них можно попасть либо в другие точки своего собственного мира, либо в мир чужаков. Обратного пути в мир Дэвов нет. Проклятье не снято.

Бывшие сородичи нападали из врат, поодиночке. За время, прошедшее с момента раскола Асуров, они окончательно лишились физических тел и были видимы лишь внутренним зрением. Демоны высасывали жизненную силу у самых слабых и незащищенных – как правило, детей и женщин. А те, кто пытался дать отпор, потом умирали в страшных мучениях от скверны. Многие не вынесли кошмара и вернулись в суровые горы – так образовалась каста жрецов. Но в жилах полукровок текла кровь воинов... большинство кланов приняло вызов и начали искать оружие против нового врага. Полукровки сочли позором называться Асурами и стали именовать себя Сурами, что означает «полубоги света», в противоположность «полубогам тьмы». Чуть позже всплыло второе пророчество. Возможно, оно действительно пришло кому-то из жрецов в момент озарения, а возможно, было осовремененной версией старого. Пророчество гласило: Асуры

завоевали чужаков колдовством и грубой силой вместо того, чтобы мудро править ими, и тем самым усугубили свою участь; избавление от проклятия получит тот, кто принесет себя в жертву, защищая слабый народ от Зла.

«Можно и этим себя успокаивать».

Правда это или хитроумная выдумка, призванная наполнить жизнь смыслом и заставить каждого делать то, что он должен делать? И кто определил это «должен»? Хорошо, если верховные Боги, Творцы Вселенной, а не какой-нибудь захлебывающийся амбициями жрец, который состряпал все эти легенды и чей праправнук теперь высоко в горах жиреет на собольих шкурках и с гаденькой ухмылочкой наблюдает, как вертится запущенное его гениальным предком колесо.

– Вали отсюда, – устало выдавил Морган.

– Хватит посыпать голову пеплом. Давай уже, выходи из анабиоза. – Имандра подергала его за рукав. – Это несчастный случай.

– Проваливай!

Имандра хмыкнула и ушла. Дождавшись, когда затихнет треск веток под ее ногами, Морган уткнулся лицом в колени. Немного погодя из-за деревьев донесся ее голос, прокричавший кому-то:

– Его совсем развезло!

Ах! Засланный казачок. Напрасно прогнал. Сейчас явится Ринок или, хуже того, Каула. От этих избавиться сложнее. И по-своему они правы. До воссоединения с Тайнером он

не вправе сложить с себя обязанности командующего. А с каким бы облегчением... и на всю оставшуюся жизнь...

Явились обе. Захватив с собой Эйжа, Коймора, Сарта и Янара. Морган затравленно посмотрел на приближающихся конвоиров. Нет, с этими четверыми ему не справиться, не стоит даже пытаться. Его отведут в лагерь, заставят поесть и затолкают в спальник. А если будет сопротивляться – побьют. Остаток дня и ночь он проведет под бдительным надзором. Не постесняются и пописать сопроводить. Морган старательно растянул губы в улыбке, встал, поднял вверх руки: – Вяжите.

* * *

Когда Морган продрал глаза и высунулся из палатки, мутный блин солнца, еле проступающий сквозь сизые облака, подбирался к зениту. Морган потер лоб, пытаясь подсчитать количество проспанных часов. Напоили вчера какой-то дрянью вместо чая, чтобы не колобродил. Очень мудро.

Вокруг было весьма оживленно. Из-за кустов доносились голоса, плеск воды, храп и ржание лошадей. По лагерю слонялись какие-то незнакомые ребята – все как один лузгали семечки. На трех кострах жарилось мясо. У самого ближнего сидела на бревнышке Тойва и строгала ножом какие-то колышки. Вокруг крутилась полуголая Имандра: тыкала палкой горящие головешки и потчевала ее не то чаем, не то сна-

добьем. Тойва мило улыбалась, но Имандрины чары на нее не действовали.

Морган вылез наружу, потягиваясь. Пронизывающая до костей усталость, несмотря на длительный отдых, никуда не делась. Полет с обрыва не прошел бесследно: правый бок и бедро саднили так, будто кожу натерли наждаком, а голова поворачивалась только в одну сторону. Что ж, впереди достаточно времени, чтобы оклематься. Скоро явится Тайнер – к Лосиному Броду вчера отосланы гонцы – и отправит его домой вместе с ранеными. Родственников Бо в отряде нет. Самый близкий друг – он. И он же виновник трагедии. Значит, ему и передавать вдове прах.

Незнакомец, сидящий на корточках возле одного из костров, спиной к Моргану, обернулся, перестал грызть шашлык и щелкнул пальцами в воздухе, привлекая к себе внимание. Ага, ясно, чьи орлы кружат вокруг халявного угощения. Ушан. Спикировал на дурные вести – стремительно и незаметно. Морган вернулся взглядом к Тойве. Судя по расслабленной позе и спокойствию девушки, выволочки не было и не ожидается. Если ее ни разу не ловили на наркотиках, Ушан примет его версию: нападение Асура, к счастью и по неизвестной причине – неудачное.

И Ушан принял. По первым же услышанным от него фразам Морган понял, что с ним успела побеседовать Ринок: даже не заикнулся о наркотиках. Командиры, не найдя доказательств вины своих подчиненных, охотно делают козлами

отпущения Асуров; Ушан не стал исключением.

День прошел в лазании по катакомбам. Следопыты Ушана обнюхали каждый дюйм, а обделенные данным талантом слонялись по бывшему логову Асура из праздного любопытства, обильно усеивая места своего пребывания шелухой от семечек. Тойве показали трупы рабов. И Моргану, и Ушану хотелось, чтобы девушка поставила точку в загадочной истории, но Тойва, помявшись, промычала, что ни один из убитых не вызывает у нее ассоциаций с таинственным всадником: «они все какие-то другие». К вечеру брату Тойвы и двум дядьям Алсура удалось вырвать из Ушана добро на карательные меры к убийце своего родича, и они ускакали в Браунео. Рискаю получить втык от Тайнера, Морган отпустил с ними Анаила и Эйжа: одного – потому что он сможет безошибочно опознать Гордона, другого – в качестве силового подкрепления и чтобы не пытался утешать, у Эйжа это получалось скверно. Тайнер никогда бы не поддался горячности своих воинов. Рвануть в поход за справедливостью – непозволительная роскошь. Он поступил бы иначе: составил бы маршрут следующего рейда так, чтобы он охватывал район местонахождения убийцы. Морган проводил всадников с некоторой завистью. Долг перед Бо и обязанности командира не позволили составить им компанию. А так хотелось...

Тайнер возник среди ночи, в сопровождении двух гонцов, без отряда. Морган угадал появление командира по звону в ушах и мощной силовой волне, сотрясающей Манну, когда

пробивают врата. Он вылез из спальника и начал одеваться. Тайнер спешит, раз рискнул дырявить пространство. Временные врата, аналог естественного, стационарного портала, создаваемый силой намерения, приходится охранять троечетверо суток, пока не схлопнутся, чтобы порталом не воспользовалась нечисть. На охрану не хватает людей, поэтому врата пробивают в экстренных случаях. Ну, нынче-то дозорных с избытком – и на той стороне врат, и на этой. Буквально через минуту усталый голос Тайнера негромко позвал:

– Эй! Собирайся.

Морган дошнуровал ботинок, выкинул наружу скатанный спальник.

– Тебе стоит передать мою часть отряда Лене, – сказал он, выдергивая из земли колышки, на которых держалась палатка.

Тайнер матюгнулся, его рука дернулась вверх. В темноте, боковым зрением Моргану показалось, что сейчас кулак Тайнера внятно объяснит его челюсти: разговор, а заодно и служба в родном отряде окончены. Он мужественно решил не уворачиваться. Но Тайнер просто сморкнулся на землю, а потом грубовато спросил:

– Тебя осматривали после падения?

– В этом не было нужды.

– Попроси, чтоб осмотрели. Мне кажется, ты ударился головой. Так, – продолжил Тайнер после паузы совершенно другим тоном, деловым и бесстрастным. – Забросишь домой

Тойву, Дьалу, Ороя и Чейна. Навестишь Таниру. Отчитаешься перед Илласом. Придешь в себя. И без глупостей. Чтобы потом твоя мать не поднимала всех среди ночи искать тебя по ущельям. Имандру возьмешь с собой. Сейчас пробьем ворота до Вторых Северо-Западных... – Список поручений закончился невежливой, но доходчивой просьбой уматывать отсюда как можно быстрее, долетевшей уже из-за деревьев. Тайнер помчался дальше, тормошить народ – для создания портала требуется Дар десяти – двенадцати человек.

Морган подхватил под мышку обернутую вокруг спальника палатку и отправился будить тех, кому предстоит возвращение домой. Молодец Тайнер. Догадался отпустить Имандру. Без нее дома лучше не показываться – мать сгрызет живьем. Завтра Тайнер займется денежными вопросами, потом вернется к отряду, временно оставленному на Лену, и продолжит объезд территории, а на Ушана, в отместку за то, что пришлось выполнять его работу, свалит охрану врат. Иначе с чего бы Тайнер так расщедрился на порталы. Ближайшие стационарные ворота в шести днях пути, тяжелых раненых нет, как-нибудь добрались бы. До чего же все-таки полезная штука – временные ворота. Они позволяют перемещаться только в пределах одного и того же мира, однако место назначения задаешь ты сам; в то время как сеть естественных пространственно-временных коридоров напоминает паутину с узловыми точками – вратами, откуда можно попасть лишь в другие точки этой паутины.

Последние ярды до родной хижины Морган, выжатый как мочалка скаканьем по вратам и объяснениями с овдовевшей женщиной, преодолевал, окончательно потерявшись во времени и не видя перед глазами ничего, кроме плода собственного воображения – расстеленного спальника и себя в нем. Время суток и сезоны в двух мирах не совпадали. Несмотря на приветливый июньский денек, которым встретил дом, Моргана знобило, а ноги дрожали от усталости.

В каменном очаге, выложенном посреди дворика, потрескивал огонь. Возле натянутых между деревьями веревок висела в тазу горка выстиранного белья. Ни матери, ни сестры поблизости не было. Видимо, полощут белье на реке. Стоило Моргану бросить на постель из шкур спальник, мать выросла как из-под земли. Объятия, поцелуй и не предвещающие ничего хорошего тяжелые вздохи с закатыванием глаз.

– Где Имка? – вяло спросил Морган, вытягиваясь на спине.

– Катается на пороге. Ты бы осмотрел каяк. И приглядел за сестрой заодно. Ничего, кроме «Бо убил Асура», я от нее не слышала.

– Я осматривал лодки две недели назад.

Мать и не думала оставлять его в покое. Морган почувствовал, как она села в изголовье. Минутное молчание – подготовка к атаке, всплеск руками и жалобно-осуждающий возглас:

– Дальше так продолжаться не может!

– Давай попозже, а? – попросил Морган и отвернулся к стене, демонстрируя свое нежелание развивать тему.

– Когда попозже? Когда ты принесешь мне прах моей дочери? Ты разве не видишь, что с ней творится? – Атмосфера накалялась со скоростью лезвия, поднесенного к пламени. – Ты должен поговорить с Илласом!

– Ни я, ни Иллас не виноваты в том, что ты родила дочь со способностями воина. Выкатывай свои претензии Богам. – «А не сыну, которого ты обвиняешь в том, что тебе дерьмово на душе, что твой муж погиб, исполняя долг воина, а старшие дочери слиняли в поселки мужей, чтобы не выслушивать твоих претензий». Морган уткнулся лицом в спальник, пошарил вокруг в поисках подушки и, не найдя ее, прикрыл голову руками. Знал бы заранее, улегся бы спать в конюшне.

Сзади раздался протяжный вздох и возня. Потом загремела посуда.

– Если бы ты, наконец, исполнил свой долг перед родом, – сурово продолжила мать из другого конца комнаты, – и вместо того, чтобы размахивать мечом ради стада баранов, добивался бы места в Совете старейшин, она бы последовала твоему примеру. Но тебе же на всех наплевать!

– Конечно, – не выдержал Морган. – Ведь я, в отличие от тебя, не горю желанием под прикрытием престижной должности ковыряться в чужом грязном белье.

– Кто будет за ней присматривать в отряде, этот сосунок

Кернел?

— О Боги, я за ней присматриваю, — почти простонал Морган. — Ничего с ней не творится. Дни выдались напряженными, но она справилась. Привыкнет. Будь добра, пожалуйста, замолчи на десять минут. Дай уснуть! А потом бухти сколько влезет.

— Присматриваешь... — Ядовитая усмешка. — Где они сейчас — те, за кем ты присматривал? Ты таскаешь смерть за собой, но всякий раз опережаешь ее на полшага, и она бросается на тех, кто рядом с тобой. Пора бы остепениться!

Тело содрогнулось от адской боли, будто с раны сорвали корку. Морган зашипел сквозь зубы в бессильной ярости. Вскочил, бросился к двери. На пороге одумался, вернулся за спальником и напоследок хлопнул дверью так, что тазы и весла, прислоненные к стене, с грохотом рухнули на землю.

Бегом до конюшни. Полмили по поселку легкой рысью, подъем на небольшую горушку, кивок двум полусонным дозорным, отлеживающим на солнышке свою смену. Нет ничего тоскливее, чем восемь часов напролет, приклеив внутреннее внимание к воротам, следить, кто из них выныривает, чтобы в случае появления Асура, чего не бывало уже лет восемьдесят, выхватить дордже и уничтожить тварь, а в случае появления претов повернуть рычаг и опустить чугунную решетку, перекрывающую вход в пещеру. Раньше, пока кто-то не подсмотрел этот механизм у дикарей, вход заваливали заранее сложенными наверху булыжниками, которые потом

приходилось растаскивать всем поселком. Несколько кру-
тых, грубо вырубленных в камне ступенек спустили Морга-
на на небольшую ровную площадку. В сознании вспыхнули
причудливые ледяные нагромождения в лучах солнца. Через
секунду он зажмурился от резанувшей глаза белизны.

Глава 4

Медленно перебирая под подушкой крупные гладкие жемчужины, Марго шептала молитву святому Аммосу и наблюдала, как на синеве неба проступают длинные полосы облаков. Редкая ночь без бурана. Бураны кошмарно свирепы, залепают стекла снегом так, что наутро солнца не разглядеть. А сегодня можно любоваться небом прямо из постели! Предраассветные минуты – короткое затишье, когда время и пространство исчезают; даже стук Ревущей Комнаты, загадочного, вечно запертого полуподвального помещения, затихает.

Марго выскользнула из-под одеяла. Со второго толчка оконная рама, мокро чавкнув, поддалась. Тело обволокло студеный ветер. Марго поднялась на цыпочки и вытянула шею. Край неба зарумянился. Сейчас окоченевшая ледяная пустыня вспыхнет в бесчисленных кристалликах льда... Ухо уловило тихое поскрипывание половиц по деревянной лестнице. Внутри все вздрогнуло. Марго кинулась обратно в постель, вытянула из-под подушки жемчужное ожерелье, быстро обмотала вокруг шеи. За два с лишним года она так и не привыкла к тому, что Иштван двигается бесшумно и появляется неожиданно, будто из врат. Когда раздался шорох открываемой двери, она все еще возилась с замочком.

– Бр-р... Как можно спать в таком холоде? – Половицы

проскрипели к окну.

– Я только что открыла. Было душно, – объяснилась Марго из-под одеяла. Проклятый крючок никак не хотел попасть в колечко.

Ее обволок знакомый запах разогретого мужского тела и овечьей шубки. Иштван присел на кровать.

– Отлучусь на пару деньков.

Пальцы безвольно соскользнули с жемчужин. Он вернулся вчера, поздно вечером; если бы Марго не спустилась вниз, он, возможно, и не зашел бы к ней. И опять... Пара деньков – это пара недель. Марго откинула с лица одеяло.

– Прямо сейчас?

Иштван улегся поперек ее бедер, опершись локтем в матрас под ее боком. Его пальцы нетерпеливо забарабанили по деревянному краешку кровати.

– Заказал тебе на сегодня солнышко. – Загадочно улыбаясь, он положил ей на грудь блестящую металлическую спиральку – замену себе, которую он оставляет, когда уходит надолго. – Дела, ты же знаешь. Они сильнее нас. – Прозрачно-серые глаза смотрели отрешенно, сквозь нее, они определенно видели что-то другое. Или кого-то... Иштван чмокнул ее в губы и поднялся. – До завтра бурана не будет. Травки я тебе оставил. Все как обычно.

Марго сглотнула слезы.

– Пожалуйста, возвращайся!

Он бросил ей улыбку, словно горсть медяков нищему, и

испарился. Из окна донесся скрип снега, который вскоре поглотил неровный гул Ревущей Комнаты.

Марго убрала спиральку под подушку и победила наконец упрямый замочек. *Не заметил.* Слишком тяжелое, ожерелье создавало ощущение удушья. Подарок Иштвана, которым он отметил их близость спустя две недели, как привез ее сюда, и запретил снимать, утверждая, что это оберег от наравов. По словам Иштвана, этих невидимых птицеподобных тварей, пожирающих Манну, здесь тьма-тьмушая. Сам он носит под одеждой защитный пояс из какого-то гладкого черного камня. Марго не знала точно, существуют ли наравы, и в то же время боялась их, поэтому на ночь, когда Иштван не ложился с ней, и в его отсутствие, снимала ожерелье, а выходя на улицу, надевала.

Все как обычно. Комната утопала в солнечном свете, а ветер нес с ледяных полей аромат черемухи, возвращая Марго в тот весенний вечер, когда Иштван подарил ей целый мир и себя в придачу...

По пути от трапезной до храма Марго в кровь искусала губы. Можно солгать, что нездоровится, и запереться в келье святого Аммоса. Ей позволят: настоятельница, матушка Надия, всегда отправляет туда недужных. Но если слухи достигли ушей батюшки Адриана, ее поступок станет подтверждением. Бог видит все. Дежурство по храму – уборка, уход за утварью, продажа свечей – распределено по дням недели.

Сегодня ее очередь – ее проклятие, наказание за неисповеданный грех. Солгав, она отяготит его: единственной причиной отказа от послушания служит физическая немощь, реальная, невыдуманная – это Марго крепко запомнила с детства.

Она чуть не упала, споткнувшись о порожек. Граница между двумя мирами. Очевидно, те, кто строил храм, специально прибили его в напоминание входящему: отрешись от житейской суеты и задумайся о вечном, нетленном сокровище, которое ты должен возвращать в своей душе. Стараясь ступать мягко, чтобы деревянные подошвы башмаков не нарушили сакральной тишины храма, Марго прошла в западное крыло, поднялась по узкой деревянной лесенке в камеру, где хранится хозяйственный инвентарь. Присев перед прислоненным к стене пыльным куском зеркала, перевязала платок, запихала под него непослушные кудри.

«Розанна, наверное, сейчас тоже вертится перед зеркалом. – В ней снова вспыхнули обида и ревность. – Счастливая... Сучка!»

Марго хмуро отвернулась от своего отражения и, вооружившись шваброй, ведром и тряпкой, побрела вниз. Перед глазами появилась серебристая пелена. Марго провела ладонью по горячим векам, чтобы смахнуть ее. Потом еще раз. А потом уселась на нижнюю ступеньку и позволила слезам капать. Они падали и падали, оставляя на каменном полу крохотные лужицы – нога машинально стирала их подолом пла-

тъя.

Оранжевые мазки свечей в изножье раки с мощами святого Аммоса всколыхнулись: кто-то впустил сквозняк. Забыла запереть дверь! Марго поспешно промокнула лицо кончиками платка. Только бы не кто-нибудь из паломников! Батюшка Адриан постоянно талдычит, что чужих надо остерегаться: святое место не на всех действует умиротворяюще. Он обожает рассказывать, как однажды некая женщина из Ниенца привезла одержимого бесами сына. Несчастный корчился в конвульсиях и прыгал по деревьям, как белка. Едва начали обряд изгнания, он натурально взбесился: священники втроем не могли с ним справиться, попытались связать, но хрупкий юноша разбросал их по комнате, словно беспомощных щенят. Пришлось бежать в деревню за подмогой. В кельях шептались про сделавшиеся фиолетовыми белки глаз несчастного, пену изо рта и искаженное нечеловеческой гримасой лицо, то смертельно бледневшее, то покрывающееся коричневыми пятнами. На памяти Марго подобных случаев не было, тем не менее страх пересиливал любопытство. Да она и сама не горела желанием общаться с приезжими. Вдруг они спросят или сделают что-то, не имеющее отношения к Церкви? Как тогда себя вести? Марго одернула помятое платье и отправилась выдворять гостя, надеясь, что его зрение и любопытство не настолько остры, чтобы разглядеть в храмовом полумраке следы слез на ее физиономии.

Гость в некоторой растерянности, как показалось Марго,

топтался у двери. Открытый прямой взгляд, высокий лоб, уголки губ приподняты в доброжелательной улыбке, прямые светлые волосы стянуты сзади в хвостик, как часто носят священники. Чистая светлая рубашка аккуратно заправлена в брюки. Горожанин. Безобидный. Напряжение немного отпустило ее.

– Простите, сэр. – Марго присела в книксене. – Храм закрыт до пяти. Вы можете помолиться в келье преподобного Аммоса – она в храме же, вход со стороны реки, дверь с круглой ручкой, две ступеньки вниз. – Все это она произнесла на одном дыхании, полушепотом, прикрыв глаза ресницами.

Незнакомец приветливо кивнул в ответ и спросил свечей. Марго заглянула в ящик на подоконнике, где хранятся свечи на продажу: остались две кривульки ее изготовления. Сгорая от стыда, она протянула их на ладони:

– Только такие. Простите! – Она снова сделала книксен. – Если вам угодно, я сейчас же принесу...

– Не стоит, девочка. Чем не хороши эти? – В щель ящика для пожертвований брызнула монетка, Марго успела заметить – серебряная. Многовато за свечи. Мужчина поднес свечи к носу. – Какие ароматные! Что вы добавляете в воск?

– Э-э... – растерялась Марго. Никто никогда не хвалил ее свечи. А матушка Лиза вечно ворчит, что она впустую переводит масло, а свечи годятся только для келий. – Масло тимьяна, сэр.

– Тимьян. – Он снова прижал свечи к ноздрям и, прикрыв

глаза, вдохнул. — Травя Пресвятой Матери. По легенде, она растет в местах, где ступали Ее стопочки.

— Вы абсолютно правы, сэр. — Марго присела еще раз и напомнила: — Налево вокруг храма, напротив причала.

— Стирая грязь с пола, мы стираем с души печаль. — Многозначительно произнес гость и, прежде чем исчезнуть за дверью, почтительно наклонил голову в знак благодарности.

Марго щелкнула задвижкой, в задумчивости прислонилась к стене. Станные слова... Почему-то они подействовали утешающе.

Под конец службы невеселые мысли вернулись. Когда в окне мелькнуло белое платье невесты, Марго бросило в жар. Она надвинула на глаза платок, отошла к стене, впервые в жизни радуясь тому, что уродилась коротышкой, — спины селян скроют новобрачных. Гул голосов усилился, потом резко стих, уступая место звону кадила. Воздух напитался ароматом можжевельника. Первые слова молитвы об отгнании бесов — обряд венчания начинался с нее — отозвались удушьем в груди, словно туда устремилась вся нечисть, витающая в пространстве. Марго отвернулась и сделала вид, что счищает воск с подсвечника. Девять подсвечников. Обойти все, потом еще раз и еще. Может, кто-нибудь накапает на пол. Счищая воск с пола, мы счищаем грязь с души... На протяжении всей церемонии Марго не покидало мерзостное ощущение, что за ней наблюдают. Чужое внимание ощупывало ее, словно раздевая донага. Обернувшись несколько раз и не найдя

навязчивых глаз, она списала бесстыжие флюиды на диакона Пауля, которого батюшка Адриан прочил ей в мужа. Вот уж кем бес-то завладел.

Когда растаяли последние звуки венчального песнопения, батюшка Адриан произнес зажигательную речь, еще раз благословил молодых. Толпа радостно загудела и потекла к выходу, а Марго проскользнула в противоположную сторону, уселась на пятки за изголовьем раки. Гул голосов и шарканье шагов постепенно затихали. Если батюшка Адриан придет за ней и застанет в молитве, быть может, свадебный пир ее минует. Обняв раку, она просила святого Аммоса об избавлении от праздника.

Свадьбы празднуют всей деревней – идея прадеда батюшки Адриана, превращенная потомками в добрый обычай. Столы накрывают на крытой навесах поляне за монастырем – она примыкает к монастырской кухне и служит гостевой трапезной. А уже после семья молодоженов продолжает праздник в узком кругу. Летом гуляют до рассвета, а у кого остаются силы и место в желудке – и дольше. Марго любила шумные посиделки в трапезной, но предпочитала наблюдать за людьми, а не общаться. Некогда предпринятые ею робкие попытки наладить контакт со сверстниками закончились неудачей; с тех пор она отмалчивалась, а батюшка Адриан, едва за столом появлялись первые признаки бурного веселья, отправлял ее на кухню. Но сегодня до кухни еще надо дожить.

Нет, не все покинули храм. Тихие шаги уверенно направились к алтарю, потом – в ее сторону. Марго прижалась лбом к резной деревянной стенке раки и закрыла глаза. Негромко стукнуло окно, потянуло влагой с реки, можжевельный воздух наполнился черемухой и щелканьем одуревшего от запахов весны соловья. Деликатно скрипнула лавочка. Невежливо задерживать отца, его ждут за столом. Марго коснулась кончиком указательного пальца лба, низа живота, плеч, на мгновение сложила перед грудью ладони и поднялась. Батюшка Адриан сидел на краю лавки, облокотившись на подоконник и в задумчивости поглаживая седеющую бородку. Он еще не снял праздничную, белую с золотым ризу.

– Рит, все рассаживаются. Ты сегодня сама не своя. Плохо себя чувствуешь?

Марго нервно сглотнула.

– Нет, батюшка. В келью налетели комары, и я почти не спала ночью.

– Иди-ка посиди со всеми на свежем воздухе, развлекись. Вечер чудный. Где у тебя ключи? Я все закрою.

– Да, батюшка. – Марго не посмела ослушаться: вынула из кармана связку ключей и опустила на его широкую ладонь.

Свободных мест осталось два – в торце стола, для батюшки Адриана, и рядом с диаконом – он тут же услужливо подвинулся, не забыв обмаслить ее взглядом. Марго пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы ни разу не посмотреть в противоположный конец стола, откуда доноси-

лась возбужденная стрекотня новобрачной. Вскоре пришел батюшка Адриан, снова поздравил молодых – на этот раз коротко, и десятки рук протянулись к глиняным бокалам.

Уставившись в тарелку, Марго вяло ковыряла вилкой кусок маринованной трески. Есть не хотелось. Диакон противно причмокивал под ухом и бубнил про каких-то древних мучеников, которые во имя Господа позволили Его противникам сжечь себя заживо. Кости несчастных дивом остались целы. Чтобы уничтожить останки, их бросили в реку. Марго насмешливо фыркнула: идиоты, закопать не додумались. По прошествии трех дней мученики явились главному негодяю, правителю города – во плоти, целыми и невредимыми. В руках они держали факелы, пылающие Господним огнем, взглянув на который злодей рассыпался в прах. А кости целый месяц сияли в воде подобно звездам. В заключение Пауль, торжественно подняв бокал, предложил соседям по столу следовать примеру мучеников.

У Марго язык чесался съязвить, не в собственных ли убогих извилинах он выискал противников Господа. Раньше, по словам батюшки Адриана, в мире существовало несколько религий, и их приверженцы воевали между собой, стремясь доказать истинность своих убеждений. После Большой Катастрофы доказывать стало нечего и некому: выжила одна религия – очевидно, самая правильная. Бог всех рассудил. Есть, правда, еще Суры. Они верят в трех богов, двое из которых женского пола, живут обособленно и происходят из

какого-то другого мира. Суров обвиняют во всех смертных грехах, однако Марго никогда не слышала о религиозных стычках с ними. От Суров вообще стараются держаться подальше.

Опасаясь нового приступа словесного поноса, она промолчала. Но понос все-таки разразился. Пропустив еще бокал, порозовевший диакон поведал о древнем обычае обрезания девушек в первую брачную ночь с целью предотвратить измены законному супругу. После зверской процедуры несчастные всю оставшуюся жизнь, занимаясь любовью, испытывали боль. Марго брезгливо отодвинулась. Совсем спятил. Обрадовался, что батюшка Адриан его не слышит. Пауль в роли супруга был ее самым худшим кошмаром. Марго скорее согласилась бы, чтобы в нее вселились все бесы на свете.

Она уперлась взглядом в мощную фигуру отца, воплощение спокойной силы, который сосредоточенно беседовал с миссис Кресс, мамой новобрачного. Смена блюд уже была – на тарелках появились фаршированные баклажаны и медальоны из ягненка. Быть может, он прочтет в ее взгляде мольбу и отправит восвояси? Прием имел успех. Их взгляды встретились, и отец подозвал ее рукой. Марго опрокинула в рот остатки вина и с облегчением вынырнула из облака Паулевых эманаций, на ходу стряхивая с руки невидимые следы его случайных и не очень прикосновений.

– Поела? – Батюшка мягко сжал ее локоть. – Тебе лучше?

– Ага.

– Тогда ступай с миссис Кресс. Нужно ей помочь, она совсем закрутилась.

Марго окаменела. Она почувствовала, как улыбка сползает с лица. Воистину Господь видит все, и расплаты за дурные поступки не избежать. На одеревеневших ногах Марго поплелась за пухленькой невысокой женщиной. Они вместе собрали в деревянную бадейку лишнюю посуду и отнесли на летнюю кухню миссис Кресс. Миссис Кресс попросила помыть тарелки и присмотреть за пирогами, а напоследок любезно предложила чая с вишневым вареньем, от которого Марго отказалась с таким выражением лица, что миссис Кресс встревожилась, хорошо ли она себя чувствует.

Стоя на пороге кухни, Марго проводила хозяйку взглядом, потом оглядела ухоженный дворик с колодцем посередине. Закатные полосы расчертили позолотой нежную зелень травы. Синее, без единого облачка небо умывалось в лужицах. Громадный пестрый кот, развалившийся поперек длинного, общего с баней крыльца кухни, сонно жмурился и делал вялые попытки вылизать спинку. Марго снова почувствовала, как веки наливаются жаром. Этот дом мог бы стать ее, а эта милая женщина – заменить ей мать. Если бы существовал такой вариант судьбы... С тяжестью на сердце Марго наносила воды. Низенькая деревянная скамеечка как раз подошла, чтобы устроиться на ней перед тазиком. Марго уселась лицом к открытой двери кухни, чтобы не упустить

пирог. Слезы словно ждали этого момента.

– Ай-ай-ай, как несправедливо! – посетовал голос за спиной. – Все веселятся, а самая красивая девушка моет посуду.

Марго едва не выронила тарелку. Щеки моментально вспыхнули. Она быстро вытерла лицо рукавом и обернулась. У колодца, облокотившись на деревянную балку, подпирающую островерхую крышу, стоял незнакомец, которому она днем продала свечи.

– Боюсь, вы преувеличиваете, мистер...

– Иштван, – любезно представился мужчина, направляясь к ней. Двигался он плавно, грациозно, будто танцевал. – Нисколько. Редкий роскошный цветок, который вот-вот распустится. Какому-то счастливцу он достанется...

Почувствовав, что становится пунцовой до кончиков волос, Марго снова взялась за посуду. Несмотря на застенчивость, она быстро нашлась что ответить:

– Никакому. Я скоро стану монахиней.

– Монахиней? – Иштван уселся напротив нее на траву, перекрестив ноги. Марго бросила на них короткий взгляд: она никогда не видела, чтобы кто-нибудь сидел в такой странной, нелепой позе: пятка согнутой впереди левой ноги подпирает ягодицы, а правая нога перекинута через левую и упирается стопой в землю за левым коленом. – Сколько тебе лет, девочка?

– Шестнадцать, – с гордостью сообщила Марго, округлив возраст в большую сторону: шестнадцать ей исполнится в

конце лета. Краем глаза она заметила, как уголки губ Иштвана дрогнули в полуулыбке. Он отрицательно покачал головой:

– Нет. Это не твоя идея.

– Таково пожелание моего отца – священника, который сегодня венчал новобрачных, – солгала Марго. Впрочем, не совсем это и ложь. Марго выказала готовность принять постриг две недели назад, и батюшка Адриан посоветовал подумать... годков пять.

– Ты дочь епископа Лишинна? Хм... Не знал, что у него есть дети. Где же он тебя прятал?

– Я его приемная дочь, сэр, воспитанница. Своего родного отца я не знаю, а мама умерла при родах. Я родилась и выросла в монастыре.

«А прятать меня излишне. Я такая малявка, что меня и в двух шагах не замечают».

– Ах, вот как... – Иштван оперся ладонями о колено.

Марго исподлобья покосилась на изящные кисти с длинными пальцами и тонкими, нетипичными для мужчины запястьями. Левый мизинец украшал перстенок с зеленым камушком. Других колец не было.

– А ты не размышляла об иных вариантах своего будущего? Кстати, как тебя зовут?

– Маргарита. У меня их не так много, мистер Иштван: либо выйти замуж за того, кого навязывает батюшка Адриан, либо стать монахиней.

– Кого же он навязывает?

– Диякона Пауля. Вы, может, видели его в храме? Полноватый, невысокий, с родинкой на подбородке. Когда он говорит, у него слюни собираются в уголках рта. Не представляю, как бы я с ним целовалась и... прочее. – Марго с отвращением поморщилась, вспомнив пухлые, обильно сдобренные слюной губы отца Пауля. – Батюшка ищет себе преемника, – сама не зная зачем, пояснила она участливому слушателю. – У него никогда не было семьи. Своей наследницей он считает меня, точнее, моего будущего мужа, и хочет, чтобы после его смерти я и мои дети были обеспечены. Все Ланцские виноградники принадлежат ему, они достались ему от отца, а тому – от деда. Винодельческой фермой должен управлять серьезный, надежный человек, а таковыми он считает только священников. У него все предки по мужской линии были священниками. Диякон Пауль, по его мнению, идеально подходит на роль управляющего.

Иштван пожал плечами:

– Твоего отца можно понять.

Внутри все вскипело.

– Я не пойду замуж без любви! – запротестовала Марго. – Когда я сказала об этом батюшке Адриану, он разразился длиннющей проповедью: влюбленность быстро проходит, поэтому выходить замуж по страсти бессмысленно, и вообще женщина должна думать о доме и детях, а не потакать плотским желаниям. И тогда я решила, что лучше приму постриг.

Батюшка говорит: тот, кто посвящает свою жизнь служению Господу, познает Его любовь. Я и так почти монахиня. Моя жизнь после пострига никак не изменится.

– Она просто закончится. Можно понять, когда уходят в монашество в сорок лет, повидав многое и разочаровавшись в мирской жизни. Но в шестнадцать... Монашество убьет тебя. Ты такая красивая – глаза, волосы, руки, фигурка. Ты рождена, чтобы любить и быть любимой. Божественную любовь, о которой с такой легкостью рассуждает твой отец, невозможно познать, не познав человеческой.

Слова Иштвана снова заставили Марго покраснеть, хотя с фигурой он явно перегнул: свободное платье до пят скрывает все, что только можно скрыть.

– Ах, мистер Иштван... – Она грустно вздохнула. – Мне кажется, тот, кого я полюблю, не возьмет меня замуж. Мне нравится... нравился парень из нашей деревни. Однажды он предложил мне прогуляться по реке. Мы... целовались в лодке. – Марго в раздумье покусала губу. – На том все и закончилось.

– Забудь про этого идиота. Ты обязательно встретишь человека, который будет тебя достоин. Знаешь, что означает твое имя? Жемчужина. А имя управляет судьбой, девочка. Ты станешь для своего избранника бесценным сокровищем. Правда, жемчуг прячется в раковине, а сокровища обычно держат под замком.

– Благодарю вас, сэр, – пролепетала Марго. Последняя

оговорка прозвучала жутковато, зато остальное... Она в бессилии выпустила из рук миску и губку и, наконец, подняла голову – румянец все равно не скроешь, да и невежливо пялиться в таз в ответ на внимание к себе. – Мне никто никогда не говорил столько хорошего. В деревне надо мной посмеиваются: мол, у нее такое лицо, будто она наелась кислых яблок. – Марго робко улыбнулась. – А этот парень и его друзья издеваются надо мной: когда кто-нибудь из них встречается меня в деревне, он пытается ущипнуть меня за зад и смеется: «Эй, монашка, не хочешь повалиться со мной?» – Через мгновение она хмуро добавила: – Это его сегодня венчал батюшка Адриан.

– Вот, значит, почему ты сидишь здесь в расстроенных чувствах. Нет, это несправедливо! – Иштван улыбнулся, сверкнув ровным рядом белоснежных зубов. – Не принести ли тебе вина?

– Ох... – Как Марго ни смущалась, она не смогла не вернуть ему улыбку. – Только... Мистер Иштван, прошу, не говорите батюшке Адриану, что вы здесь! Он не разрешает мне общаться с чужими.

Иштван заговорщически подмигнул ей и поднялся. Марго любовалась его походкой, пока он не скрылся за хозяйственными постройками. Вот бы потанцевать с ним. И погрустнела. Это смотрелось бы ужасно неуклюже. Батюшка Адриан никогда не позволял ей танцевать вместе с селянами. И не позволит.

«Ох, и разболталась же я!»

Марго стащила с головы платок, протерла им лицо. Лоб взмок, щеки пылали, а сердце непривычно быстро колотилось в груди. Этот человек совершенно не похож на тех деревенских олухов, которые сейчас надираются на халяву, чтобы к вечеру привычно рассредоточиться по канавам. Марго проверила вилкой пироги, наносила еще воды и рассортировала посуду: вымытую аккуратно разложила в кухне на столе сушиться, а грязную сложила рядом с тазиком.

Иштван принес кувшин с обвитой вокруг ручки веточкой черемухи. Конечно же со свадебного стола. Марго приподняла его за горлышко: полный. У Иштвана в руке появились глиняные бокалы. Прежде чем в них хлынула рубиновая жидкость, Марго узнала в одном, по сколу внутри, тот, из которого пила за столом. Ее вдруг охватило пугающее чувство, будто она падает с огромной высоты.

«Успокойся, дурочка. Он просто взял бесхозные».

Падать стало приятнее.

– За исполнение твоей заветной мечты, Маргарита! – Иштван преподнес ей тот самый бокал и поднял свой. – У тебя ведь есть заветная мечта. И, думается мне, от монашества она ох как далека.

Марго молча водила по губе краешком бокала. Заветная мечта у нее была, далекая от монашества, как звезды от земли. В своих снах Марго видела себя скачущей на лошади по широким зеленым просторам наперегонки с ветром. Ветер

играл ее волосами, сооружая из них фантастические прически, насвистывал песни шелестом листвы, приносил прохладу в жару и убаюкивал перед сном. И она была такой же, как ветер – могущественной и свободной. Иногда сзади нее на лошади сидел мужчина. Ей никогда не удавалось увидеть его: когда она оборачивалась, парень исчезал. Сны рождали фантазии, несбыточные, как желание догнать радугу.

– Что-то не так? – забеспокоился Иштван.

– Э-э... – Усилием воли Марго стряхнула с себя оцепенение. – Я хочу быть самостоятельной. Свободной. Как... – В сознании сверкнула картинка из детства: статные горделивые всадники на базаре, в Хельне. – Как Суры! – брякнула Марго, сама не понимая, почему ей на ум пришло такое сравнение.

Иштван хлопнул себя по бедру:

– Хо! А собралась киснуть в монастыре! Только я бы посоветовал тебе, девочка, сперва определиться, для чего тебе свобода.

– То есть как это – для чего? – не поняла Марго.

– Стала ты свободной. А дальше? Что ты будешь делать?

– Буду жить в собственном доме. Сама зарабатывать на жизнь. Ездить верхом – где хочу и с кем хочу. Помогать людям.

– Ты хочешь быть колдуньей?

Вопрос резанул, словно лезвие остро заточенного ножа. По спине пробежал озноб. Марго озадаченно нахмурилась.

При всем богатстве фантазии подобные мысли ее не посещали.

– Колдовством владеют только Суры, – сказала она нерешительно. – И выучиться магии, вероятно, можно только у них. Но они... О них рассказывают жуткие вещи, будто они воруют людей, вынимают у них мозги, а когда возвращают человека обратно, он уже не помнит, кто он. И еще их мужчины соблазняют наших девушек. Делают с ними что-то, и те идут с ними на сеновал по доброй воле, а потом девушек находят мертвыми. Лет двадцать назад девушка из нашей деревни влюбилась в Сура и забеременела от него. Ее труп выловили в реке за несколько миль отсюда. Никто так и не узнал, сама она утонула или ей помогли. – Марго быстро огляделась и добавила полупшепотом, будто отец мог ее услышать: – Именно поэтому батюшка Адриан постоянно предостерегает меня от общения с незнакомцами. Он боится, что придет какой-нибудь Сур и утащит меня. – Она захихикала. Отменно выдержанное вино растекалось по телу приятной расслабленностью.

– Суры... – Полупрозрачные глаза Иштвана сузились, приятное лицо на мгновение исказила презрительная усмешка. – Тупые самодовольные выродки, возомнившие себя богами. Отделяй зерна от плевел, девочка. Суры – это Суры, а магия – это магия. Магия – умение управлять силами Природы, Дар, наследие их могущественных предков, который Суры пустили во зло, ради удовлетворения своих

алчных помыслов. Своего мира, богатого металлами, драгоценными минералами и пушным зверем, им мало. Они хотят прибрать к рукам наш. Сигналили сюда демонов-вампиров, которые у них водились, и теперь под предлогом того, что их надо уничтожать, обложили всех данью.

Марго рассеянно пожала плечами:

– Не слышала, чтобы у нас кто-то что-то платил Сурам. – Несмотря на цветистые рассказы, она не очень-то верила в существование демонов; она не встречала никого, кто их видел собственными глазами. Они представлялись ей страшными сказками, сочиняемыми богатыми городскими бездельниками, чтобы пощекотать нервы наивным простачкам. Колдуны занимаются разборками между собой или пытаются вытеснить крестьян с плодородных земель. Батюшка Адриан утверждает второе. – А разве сами они не гибнут, сражаясь с этими своими чудовищами?

– Пара сотен жизней в год – ничтожная плата за власть, которую они получают взамен. Они готовы пожертвовать и большим, лишь бы сохранить ее. – Иштван налил по второму бокалу. Обсыпанная пахучими белыми цветами веточка соскользнула Марго на колени. – За Маргариту-колдунью! – Отхлебнув, он прикрыл глаза от удовольствия, кончики его пальцев медленно заскользили вверх-вниз по конусу бокала. – Совершенно не обязательно идти к Сурам, чтобы учиться магии. У них полно учеников, которые с удовольствием делятся полученными навыками. Не здесь, конечно,

не у вас... чуть подальше. – Последние слова Иштван произнес вполголоса, странным низким тоном.

– Э-э... – Марго на мгновение замялась: не в голове ли у нее они прозвучали? – В любом случае у меня нет такой возможности, потому что нет собственного заработка. – Она пожала плечами и грустно улыбнулась. – Я принадлежу монастырю и вынуждена подчиняться воле отца. – «Чем трепаться, дядя, лучше бы дал практический совет».

– Я бы на твоём месте удрал в город. Там много всякой работы, которую ты могла бы выполнять и одновременно учиться. Или согласился бы на брак. Не с этим слюнтявым диаконом, а с тем, кто обвенчается с тобой при условии, что, как только ты получаешь от отца приданое, этот человек навсегда исчезает из твоей жизни. Уверен, желающих побыть мужем такой милой девушки найдется немало, в том числе и среди служителей церкви.

Звук ударившегося о краешек медного таза бокала заставил Марго очнуться. Ошалело моргая, она уставилась на опустевшую ладонь.

«Это шутка? Насмешка над глупой деревенской девочкой? Или...»

Марго подняла взгляд на Иштвана. Глаза – двери во внутренний мир, отражение души, они никогда не лгут. И заблудилась, словно попала в бесконечный коридор с множеством дверей, каждая из которых открывалась в точно такой же коридор. Станный взгляд – не тяжелый, не сверлящий, не

пронизывающий, а неподвижный и рассредоточенный, будто Иштван смотрит в никуда, но видит все.

– Разбить бокал – счастливая примета, – успокоил Иштван. – К любви. У нас в Браголлаке есть обычай: новобрачные, прежде чем занять места за свадебным столом, отпивают из бокалов по глотку и разбивают их вместе с вином – в знак того, что им предстоит соединиться кровью, то есть зачать ребенка.

– Боюсь, ваш вариант для меня неприемлем, – пробормотала Марго и принялась выуживать из порозовевшей воды кусочки бокала. Внутри неприятно кольнуло: будто кровь пролилась.

«Что, надрызгалась? Готовься к проповеди!» Марго мотнула головой, прогоняя заливающегося злорадным хохотом невидимого насмешника.

– Сдать свое тело в аренду на пару недель, – преспокойно продолжал Иштван, – не такая уж большая плата за свободу. Я бы сказал – мизерная. Обычно свобода обходится много дороже.

– Вряд ли удастся обвести вокруг пальца батюшку Адриана. – Марго растерянно огляделась, не зная, что делать с остатками бокала, и в конце концов сложила на траву рядом с тазом. – Да и кто в здравом уме откажется от винодельческой фермы?

– Виноградники осложняют дело, не спорю, но люди разные – не договоришься с одним, договоришься с другим. А

как насчет... – Иштван поднял вверх указательный палец. – Сюда идет твой отец! – Он прижал к губам ее руку и исчез.

Рука зависла в воздухе. Пространство вокруг поплыло. С кухни потягивало горелым.

Батюшка Адриан появился минут через десять.

Марго проворочалась всю ночь. И причиной тому были не комары.

Она столкнулась с Иштваном следующим вечером, когда спустилась в низину, где в зарослях ив пряталась часовенка с купальней, – он вышел ей навстречу.

Далеко за полночь Марго накинула длинный жакет из черной шерсти и выскользнула из келейного домика, не взяв с собой ничего, кроме смены нижнего белья, расчески и зубной щетки. Иштван сказал, мечты даются затем, чтобы сбываться. И пообещал, что она ни о чем не пожалеет. И Марго не пожалела...

Она не жалела о побеге даже теперь, когда Иштван неделями пропадал невесть где, появляясь ненадолго, как солнце, которое в это время года – условно оно считалось зимой – жаловало царству вечных снегов лишь горстку светлых часов. С детства привыкшая к работе, Марго умела находить себе занятие. Когда надоедало готовить снадобья и исследовать малопонятные, но крайне занимательные записи Иштвана, которыми было испещрено несколько кип бумаги, Марго брала лопату и шла расчищать снег вокруг до-

ма. Физический труд и морозный воздух разгоняли тоску не хуже вина.

Ежедневный утренний ритуал – обливание ледяной водой на снегу – и горячий чай с творожной запеканкой подняли настроение. Иштван вернется. Он всегда возвращается. И он всегда так добр и заботлив. Натопил с утра печку, запеканку приготовил, «заказал солнышко».

Марго сбегала наверх за спиралькой, надела длинный кожаный плащ на меху и теплые сапоги. Опасаться, кроме ветра, здесь некого, поэтому снаружи дверь запирали по-простецки – просунутой в ручку деревянной плашкой. От двери в сияющий океан снега и льда уходила едва заметная цепочка следов Иштвана. Прихваченный морозом снег сахарно хрустел под подошвами, идти было легко.

Удалившись на сотню ярдов, Марго приостановилась проверить, надежно ли застегнут замочек на ожерелье. Есть еще одна, гораздо более реальная, чем нараки, опасность, от которой оно служит оберегом, – потерять дорогу домой. Заблудиться здесь легко даже днем: стоит ветру вздохнуть поглубже, и за считанные минуты наползают плотные светло-серые облака, равнина погружается в молоко бурана, который может бушевать не одни сутки. К счастью, Марго никогда не доводилось попадать в буран.

Марго бросила через плечо короткий взгляд. С трех сторон их жилище, которое Иштван в шутку окрестил замком, – обросшее льдом каменное строение действительно его напо-

минает – прикрывает цепь ледяных завалов. Отсюда его уже от них не отличить. Она бодро двинулась вперед, стараясь ступать след в след, – так велит Иштван – и не останавливалась, пока не оборвались следы. Ни она, ни Иштван никогда не ходили дальше этого места. Марго достала из кармана спиральку, сняла варежку. Вытянув руку со спиралькой вперед, начала медленно поворачиваться вокруг себя. В какой-то момент спиралька ожила – неслышно зажужжала, завибрировала, словно зажатая в кулаке муха. Марго зажмурилась, глубоко вдохнула и прыгнула вперед.

Глава 5

В легкие ворвался солнечный морозный воздух. Дружеским шлепком по крупу отправив коня порезвиться, Морган побрел к обледеневшим развалинам древних построек. Переливаясь на солнце, они походили на хрустальные дворцы с множеством арочных окон, дверей и башенок. По ним можно лазить часами. Кроме «дворцов», не осталось ничего; все, что мало-мальски могло сойти за древние артефакты, давным-давно растащили.

Изначального названия мертвого материка легенды не сохранили, поэтому Суры называли его Ледяшкой. А дикари, не имеющие ни Дара, ни морских судов, едва ли вообще знали о его существовании. Жизнь прекратилась здесь после Большой Катастрофы, задолго до прихода Суров; лишь на окраинах, вдоль береговой линии, где есть пища, водятся чайки, пингвины, белые медведи и прочая морозостойкая живность. Ровно полгода здесь царит тьма – за три-четыре часа прокатившись вдоль горизонта, солнце покидает закованную в ледяной панцирь пустыню. Зато остальные полгода ночью светло как днем.

Когда-то Ледяшку пытались исследовать. Особо рьяные энтузиасты выбурили из-под льда развалины каменных зданий и фрагменты металлических конструкций неизвестного назначения. Полнейшая бессмыслица. Информацию о про-

шлом останков давным-давно уничтожил холод. Что делать с находками, кроме как выставить у себя во дворе в качестве символа безбашенного героизма, никто не знал. Не продавать же дикарям: в их руках призраки прошлого оживут и натворят бед, как это случилось с предыдущей цивилизацией – те тоже выковыряли из вечных льдов какую-то пакость, которая потом, попав к обладателям вселенских амбиций и убогих мозгов, нарушила баланс природных стихий и спалила весь мир.

Впрочем, ледяной материк довольно скоро дал щелчок по любопытным носам. Врата сами собой схлопнулись, чего стационарному portalу делать совсем не положено, и отрезали путь домой трем десяткам человек... навсегда. Пленники пытались пробить временные, но не сумели. Когда врата снова открылись, всех их нашли мертвыми. Вот тут-то и выплыла ужасная тайна Ледяшки: прибегая к Дару, ты не восполняешь потраченную жизненную силу из окружающего пространства, как в обычных условиях, а теряешь ее безвозвратно, сгораешь как свеча. До сих пор неясно почему: возможно, катаклизм исказил силовые поля пространства. Мертвый материк словно стремится вернуться к жизни, вытягивая ее из других, и у него не получается: Манна застывает как вода на морозе.

Это произошло больше трехсот лет назад. Ледяшку объявили смертоносной зоной. Однако поток юных покорителей ледяных просторов не иссякал еще долго. Кое-кому везло,

но гордыни Ледяшка не прощала. С самонадеянными храбрцами, осмелившимися бросить ей вызов, она поступала как с истинными героями – воздвигала им памятники из льда. На памяти Моргана были трое подростков из соседнего поселка, заключившие, как потом выяснилось, пари на породистую лошадку, что они притащат с Ледяшки древний артефакт. Врата схлопнулись. В отчаянии ребята пытались согреться при помощи Дара. Они так и замерзли, прижавшись друг к другу.

Всякий раз отправляясь на Ледяшку, Морган закидывал мысль о злосчастных вратах на дальние задворки сознания. Разорвет его на куски какая-нибудь тварь или он пополнит коллекцию останков древности – какая разница. Все опасности Ледяшки меркнут перед единственной ее ценностью: она вымораживает душевную боль. Вот и сейчас...

Мороз пробирался сквозь тонкий плащ, легонько покалывал тело. Будто Ледяшка прощупывает очередного непрошеного гостя, пытаясь найти жизнь, которую можно украсть.

– Мы оба одинаково мертвы, ты же знаешь, – пробормотал Морган себе под нос, залезая во «дворец» через дыру в стене. Миновав несколько «комнат», он вскарабкался по ледяным завалам на «второй этаж». Здесь было теплее. Крыша местами обвалилась под тяжестью смерзшегося снега, из дыр лилась прозрачная синева. Пустая глазница высокого дверного проема, украшенная гирляндой сосулек, утыкалась в гигантский сугроб, над которым светился клочок неба.

Морган повернулся лицом к стене. Он смотрел, как кончик золотистой дымящейся струи выписывает узор на девственной белизне, когда со стороны проема раздался шорох. О ботинок ударился маленький ледяной комочек. Внутреннее зрение не видело никого, кроме Даймона в полусотне ярдов к северу, и Морган спокойно продолжил священнодействие. Из проема послышался шорох, потом шуршание, будто кто-то ползет по снегу.

«Очередной одержимый тайнами древности? Я не вижу его, потому что он с защитной сетью, а мой Дар ослаб от усталости. Сейчас придется вразумлять этого идиота, что до него здесь побывали тысячи таких же репоголовых...»

Застегивая на ходу штаны, Морган бросился к проему.

Вверх по склону сугроба, вжимаясь в стену, боком передвигалась девочка лет четырнадцати. Миниатюрную фигурку охватывал длинный черный плащ, подогнанный по ней точь-в-точь. Из-под шляпки с полями не мигая смотрели огромные незабудковые глаза. Во рту торчала черная меховая варежка. Морган молча пялился на черный силуэт на фоне снежной белизны. Мысли падали, как капли воды в неподвижный пруд.

«Она не Сур».

«Но одежда изготовлена руками и Даром мастера, с защитой от дождя и холода».

«Человек без Манны – это мертвец».

«Или призрак».

«А скорее всего – галлюцинация».

Морган тряхнул головой, крепко зажмурился, потер глаза, поморгал. Двигаться малявка прекратила, но исчезать явно не собиралась.

«Ладно, – согласился Морган с причудами собственного ума. – Хочешь поиграть? Давай поиграем».

Он уперся ногой в сугроб и облокотился на колено.

– Ну и откуда, диво дивное, ты здесь взялась?

Девчонка вжалась в стену еще сильнее. Глаза-незабудки украдкой стрельнули по сторонам и, убедившись, что путей к бегству нет, остановились на нем. Она вынула изо рта варежку, сняла с кончика языка волоски меха.

– Из ледяного замка. – Голосок у нее был тихий и тонкий, совсем детский.

– Из этого, что ли? – Морган с усмешкой похлопал ладонью по снежной стене. – Живой артефакт? – «Любопытно, как я выгляжу со стороны. Треплюсь сам с собой?»

Девочка нахмурилась – слово «артефакт» вызвало недоумение, – а потом гордо вздернула подбородок:

– Мой замок в параллельном мире.

Морган рассмеялся, даже начал хохотать. Он решил бы, что свихнулся, особенно учитывая, что никак не мог остановиться, и в конце концов прижал ко рту рукав, если бы из кармана девочки не вынырнул свитый в спираль тонкий железный прут.

– Я перемещаюсь при помощи вот этой штуковины, –

похвасталась малявка, покрутив в воздухе своим сокровищем. – Она волшебная, находит врата сама.

Смех заглох. К собственному ужасу, Морган осознал, что уже не просто таращится на девочку, а таращится открыв рот. Игры кончились. Отпрыски *дикарей* шныряют *по вратам*. По вратам на *Ледяшке*. Он обреченно потер лоб и виски, словно пытаясь втереть в гудящую от усталости голову этот шокирующий факт. Спиралька называлась поводырькой. Примитивный, давно вымерший за ненадобностью инструмент, поводырь по «дыркам» – порталам. Раньше с ее помощью отыскивали врата; она также помогала не заплутать в лабиринтах пространства-времени – попасть именно туда, куда тебе нужно.

«О Боги, и где только выкопала!»

– Какой идиот дал тебе эту игрушку? – рявкнул Морган.

Незабудки испуганно заморгали.

– Иштван. – Малявка снова попыталась пятиться. Скользящий горб сугроба вернул ее на прежнее место, и она хлопнулась на задницу. Зверек попался в капкан. – Он не идиот. Он могущественный маг. Умеет превращать ветер в огонь!

Бред. У Моргана снова начался нервный смех.

– Это как? Пернул на свечу, и она загорелась? – Не самая остроумная шутка, но, кажется, малявка слишком напугана, чтобы держать язык за зубами.

– Буран крутит ветряки, – серьезно начала объяснять девочка. На ее лице ясно читалось: «Как тебе не стыдно! Взрос-

лый человек!» – От них его сила передается в Ревущую Комнату, где превращается в огонь. Огонь греет воду и разносит ее по железным трубам по всему дому. У нас всегда тепло и всегда есть горячая вода.

Морган медленно проговорил про себя услышанное. Потом еще раз, силясь представить подозрительный агрегат, сотворенный руками дикаря и управляемый... Асуром? Эта мысль вела прямиком в преисподнюю. Суром? Суру незачем сговариваться с дикарем и прятаться на Ледяшке. Если только Сур – не ренегат. Конечно, девчонка может и выдумывать. Но, Боги, откуда у нее такое в голове? Так или иначе, пока Манна не видна, ложь от правды не отличишь.

– У Иштвана, полагаю, много помощников... – пространно высказался Морган, предоставляя собеседнице простор для словоблудия, чтобы скрыть собственную растерянность.

Девчонка помотала головой.

– Я – *единственная* его помощница и ученица. – Она помолчала и добавила: – Уже почти три года!

И ее родня за столько времени даже не почесалась! Гвардейцы, когда им не удастся разыскать пропавшего без вести, обращаются к Сурам, и отряды через гонцов передают информацию друг другу. Если потеряшку находят, гвардейцы выклянчивают вознаграждение у его родичей, и деньги делятся пополам. Уж за три-то года Морган бы точно узнал о пропавшей девочке. Его передернуло от отвращения. Скоты. Животные – и те заботятся о своем потомстве. А ведь это

юная женщина, продолжательница рода. Традиции его народа предписывают присматривать друг за другом – и в походе, и на пирушках, и за теми, кто уходит в горы – за травами ли, молиться ли, заниматься ли любовью. А уж если кто-то пропадает... Будь эта малютка его сестрой или дочерью, он бы не уgomонился, пока не нашел ее живой или мертвой, а похитителя если не убил бы, то калекoй оставил бы навярняка.

– Хм... – многозначительно изрек Морган. – И чему ты выучилась за это время?

– Травной магии. А еще я умею становиться невидимкой! Он застыл. Она знает?.. Что может знать ребенок дикарей о колдовстве, которого они страшно боятся?

«Сумасшедшая. Или я и вправду ударился головой».

– Неужели? Может, продемонстрируешь?

Девчонка потеряла варежкой нос и закрыла глаза. Спустя пару минут открыла их.

– Меня видно?

Морган чуть не захлебнулся смехом от облегчения. В ответ на его утвердительный кивок ее мордашка суксилась, глаза снова закрылись, а потом открылись.

– А сейчас?

– И сейчас видно.

Она разочарованно покачала головой:

– Не получается.

– Попробуй еще разок, – предложил Морган с сарказмом, потирая мерзнувшие ладони. – Настройся, сосредоточься.

В следующие несколько минут, пока она пыхтела, раздувала раскрасневшиеся от мороза щечки, закрывала и открывала глаза, Морган совершил обнадеживающее открытие: хотя ее Манна не светится, внимание, если хорошенько сосредоточиться, вязнет в ней, будто проходишь сквозь толщу воды. Он снова и снова прощупывал девочку Даром, запоминая ощущения: если появилось колдовство, делающее Манну невидимой, значит, надо научиться обнаруживать невидимок прежде, чем они пырнут тебя кинжалом в спину. Страшная цепочка выстраивалась в голове сама собой: невидимая девочка, невидимая армия дикарей, невидимые преты, невидимые Асуры...

«Пора прекращать балаган».

– Эй! – позвал Морган. – Давай-ка слазь! Попа примерзнет.

Малявка распахнула свои незабудки, брови недоверчиво нахмурились. Она резко повернулась к нему задом и начала карабкаться по сугробу на крышу. Одним стремительным движением Морган настиг беглянку, ухватил за лодыжку и тут же с криком выпустил: руку пронзила адская боль, словно он обжегся до кости. Он скатился вниз, приложился обо что-то затылком и на несколько мгновений потерял сознание.

Когда он очнулся, сердце молотило так, будто он без передыха мчался несколько миль. Перед глазами плавали темные пятна. Девочка, не шевелясь, стояла рядом на коленях,

с полуоткрытым ртом; перепуганные глаза напоминали горные озера в ясный летний день.

— Ох... — Облегчение повалило от нее как пар. — Извини, пожалуйста! Снег скользкий, мне не за что было уцепиться. Тебе очень больно?

«Ты даже не представляешь как...»

Морган сел, помогая себе рукой, потрогал ноющий тулой болью затылок. Левая рука онемела до плеча. Похоже, Иштван не любит посягательств на свою собственность.

«Куда же ты запрятал свою предусмотрительность?»

Он обвел девочку пристальным взглядом. Внимание царапнул шнур жемчуга, несколько раз обернутый вокруг шеи. Не слишком ли роскошное украшение для малолетки? Краем глаза Морган поймал движение: рука, протянувшаяся к его бедру. Ах, вот что врезается в ногу. Он вытащил из-под себя металлическую спиральку.

— Отдай! — с возмущением пискнула малявка.

Морган дружелюбно оскалился и спрятал поводырку за спину, ощупывая спиральку пальцами и Даром. Настроена на перемещения в пределах одного и того же мира. Ага, держит девчонку на длинном поводке. Морган бросил поводырку на снег, и она моментально исчезла у девчушки за пазухой.

— Милая, ты уверена, что твой параллельный мир не в паре миль отсюда?

Девчонка надула губки и наморщила лобик. На ее лице

читалась напряженная работа мысли.

– Симпатичное у тебя украшение. Под цвет глаз.

– А... – Она смущенно коснулась пальчиками жемчужин. – Это от нарарков.

– От нарарков? – Морган вопросительно поднял бровь. Нарарки у диарей не водятся. – А кто такие нарарки, ты знаешь?

– Невидимые гигантские птицепарки с острыми жалами на хвосте и мечеподобными когтями вместо лап. Они вцепляются в человека и разрывают его Манну, как стервятники плоть, пока он не умирает, – без запинки отчеканила девчонка явно чужие, заученные наизусть слова.

– И что такое Манна, конечно же тоже объяснишь?

– Это чудесная жизненная сила, дарованная нам Богом. Наше духовное тело, повторяющее по контуру физическое. Частица Божественного Света в нас. Манной обладают все – люди, животные, птицы, насекомые, камни, вода, песок. В Манне отражаются все наши чувства, эмоции, мысли. Она очень яркая и красивая, разноцветная. Но, к сожалению, ее нельзя увидеть глазами. – Она шумно выдохнула, закончив тираду.

Что ж, примерная ученица. В другое время Морган поаплодировал бы. Невидимые монстры – внушительный повод заставить девочку носить амулет. Морган вздохнул. Нарарки, эти ночные крылатые засранцы размером со стрекозу, черные и мохнатые, с длинными усиками, мерцающими в темноте зловещим кроваво-красным светом, действительно пи-

таются Манной. Но вреда от них не больше, чем от комаров. В начале лета приходится окуривать конюшни травами, чтобы они не досаждали лошадям. Легенды утверждают, будто в нараков вселяются души, погрязшие в пороках: они обречены рождаться мотыльками вновь и вновь, пока не иссякнет время, которое соответствует тяжести совершенных ими злодеяний.

Девчонку нужно убрать. Сейчас же! Подальше от Ледяшки, подальше от колдуна, прибегающего к запрещенной магии.

В глазах все еще рябило, когда Морган, цепляясь за ледяные наросты на стене, принял неустойчиво-вертикальное положение. Девочка медленно поднялась вслед за ним. Незабудки, вновь сделавшиеся настороженными, оценивали шанс удрать через освободившийся проход. Морган загородил собой проем и сложил руки на груди, чтобы она не заметила, как он разминает пострадавшую конечность, пытаясь вернуть ей чувствительность.

– Тебе не кажется ли, детка, что проделки твоего приятеля Сура плохо пахнут?

Девочка брезгливо сморщила носик. Будто Сур – это дерьмо, прилипшее к подметкам.

– Иштван не Сур!

– Кем бы он ни был. Где он сейчас?

– Он... М-м... – Она неуверенно пожала плечами. – Не знаю.

– Ты сейчас одна... в замке? – уточнил Морган.

Покусав губы, малявка робко кивнула. Теперь глаза-незабудки уже таращились на него с откровенным ужасом.

– Замечательно. Ты даже не представляешь, как тебе повезло! Сейчас ты снимешь свою жемчужную побрякушку, положишь вот сюда, – Морган указал себе под ноги, – и чтоб духу твоего здесь не было! Возвращаешься в замок, собираешь свои вещички – все до единой, включая ленточки и расчески, ничего после себя не оставляй! – и мигом домой. Твоя железяка тебя вернет. Просто вспомни место, откуда ты родом. Усекла?

Она ошалело захлопала глазами:

– Что?

– Родители тебя обыскались, вот что!

– У меня нет родителей. – Ее голосок стал еще тише. – Я жила в монастыре, а потом встретила Иштвана и сбежала с ним.

Морган шагнул к ней и ткнул пальцем в землю:

– Снимай! И дуй в свой монастырь. Твой Иштван – черный маг, демон.

Не сводя с него глаз, она дрожащими пальцами расстегнула замочек, размотала нить – ожерелье оказалось чуть ли не с ее рост длиной. Жемчужины аккуратной горочкой легли на снег. В тот же миг Манна девочки ярко вспыхнула – красивая, здоровая, искаженная лишь серой рябью страха. Морган словно выбрался из сумрака лесной чащи на зали-

тый солнцем луг. Аж вспотел от облегчения. Не околдована, просто обманута. Иштван – не раб Асура. Какой-то Сур, прикинувшись перед маленькой дурочкой дикарем, соблазнил ее и увез на край света, чтобы втайне от всех удовлетворять свои странные сексуальные надобности. Сирота, монастырская воспитанница. Пропади она – искать никто не станет.

Морган отошел в сторону, освобождая дорогу. Прошмыгнув под его локтем, малявка развернулась к нему лицом и начала медленно пятиться, пока не натолкнулась спиной на стену, а потом опрометью бросилась вниз. По снегу зашуршала кожа плаща – заключительную часть спуска девчонка пролетела кувырком. Морган провожал ее внутренним зрением. Поняла ли она, как вернуться? Конечно, прямо домой она не попадет, ее выкинет в ближайшие к монастырю врата. Если она достаточно хорошо настроится. А если нет? Эти мысли поселили в душе беспокойство. Пока расстояние не разорвало связь с ней...

«Возвращаешься в замок. Забираешь свое барахло – все до последней ленточки. И бегом до врат. Входишь в них с намерением вернуться домой. Если попадешь в незнакомую местность, идешь в ближайшую деревню, находишь священника и просишь его помочь тебе добраться до дома».

И что за врата у Иштвана? На Ледяшке знают всего два портала – этот и на побережье. Побережье посещается охотниками: будь Иштваново логово там, они бы давно наткнулись на него. Значит, существует третий. Занятно.

Спустя несколько минут пылающий факел исчез, Морган уловил слабую силовую волну принявших девочку врат. Теперь по ее свежим отпечаткам он выйдет на Иштвана.

«Боги, только бы не вооруженная толпа с той стороны врат!»

Если станет ясно, что в одиночку не справиться, придется возвращаться домой и набирать отряд – это целая морока; Иштван двадцать раз успеет слинять, а усиливающийся к вечеру мороз уничтожит отпечатки.

Морган сел на пятки перед горкой жемчуга, приблизил к ней ладонь: рука колко запульсировала. Дело рук профессионала. Гения. Ожерелье нужно показать мастеру, а в первую очередь – Илласу. Придется тащить их сюда. Потом. Морган на всякий случай закидал ожерелье снегом. Сперва Иштван.

Весь путь до врат он молил Богов о чуде – чтобы Иштван оказался безобидным, обиженным на весь мир дурачком, без памяти влюбленным в эту голубоглазую малютку. Только вот мастера, изготавливающие такие обереги, не бывают безобидными, особенно если они обижены на весь мир. А дурачки не селятся на мертвых материках, недра которых хранят останки сгинувшей цивилизации и где следы человеческого присутствия исчезают за считанные часы. Морган не мог избавиться от навалившегося на него тягостного ощущения, что ступил в топь и она потихоньку засасывает его.

Мокрая и запыхавшаяся, на полпути к дому Марго пере-

шла на шаг. Куда она так несется? Если бы верзила намеревался причинить ей вред, он настиг бы ее в два шага еще там. Она на всякий случай оглянулась. В сознании как язык колокола билась мысль о Ланце. Марго потрясла головой, пытаюсь избавиться от ужасного стука. Зачем ей в Ланц? Неприятности ждут ее в обоих случаях, но объяснить потерю ожерелья Иштвану гораздо проще, чем оправдаться перед отцом и матушками за побег. Да и сможет ли она вернуться к жесткой, упорядоченной монастырской жизни, вкусив вольных хлебов? Конечно, Иштван тоже не похвалит ее. А ведь он когда-то давал указания на случай, если она встретит людей: прятаться за льдинами, а если обнаружат, не вступать в разговор и *не отвечать на вопросы* – тронуть ее никто не посмеет. С испугу она все позабыла. Мало того – позволила себя ограбить.

Дыхание немного восстановилось, когда Марго закрыла за собой дверь. Подтопить печку и хлебнуть чего-нибудь горячего. Вместо этого ноги с невероятной резвостью понесли ее наверх. Марго сбросила варежки и шляпку, бухнулась на кровать, прижала ладони к разгоряченному лицу. Чтобы она еще раз высунула нос за врата... Да никогда в жизни! Марго не помнила, сколько просидела. Внезапно она поймала себя на том, что выкидывает одежду из шкафа на расстеленную на полу простыню.

«Господи... Что я делаю?»

Попытки обуздать взбесившееся тело потерпели крах: ру-

ки продолжали совершать странные, бессмысленные движения, а сознание всякий раз поясняло Марго, что она собирает вещи затем, чтобы вернуться в монастырь. Безумие продолжалось, пока сквозь гул Ревущей Комнаты не пробился торопливый скрип снега. Кто-то бежит! Сердце заколотилось так сильно, что казалось, оно вот-вот пробьет грудную клетку. Руки подхватили стопку одежды и вместе с простыней швырнули обратно в шкаф. Хлопнула входная дверь. По лестнице застучали шаги. *Знакомые* шаги. Что-то забыл?

«Ага, задницу тебе надрать».

Марго машинально запахла плащ. Иштван ворвался взмокший как взмыленная лошадь, без шапки, в расстегнутом полушубке.

– Кому ты отдала ожерелье? – заорал он с порога.

Марго остолбенела. Он не видит, что ожерелья нет, он *знает* это.

– Я... не отдала... – Она шагнула навстречу. – Прости, пожалуйста! Появился какой-то верзила. На той стороне врат. Темноволосый, с синими глазами. И заставил меня его снять. Это случилось так внезапно... Я растерялась и не успела толком его разглядеть. Он сказал...

– Глаза ж ты, однако, разглядела, – прошипел Иштван. – Лживая безмозглая сучка! – Он так ударил Марго по лицу, что ее голова запрокинулась назад, а сама она кубарем покатила по полу, пока не ударилась о стену. Перед глазами заплясали темные пятна. Шаги застучали в обратном направ-

лении, к крохотной комнатухе внизу – рабочему кабинету, где Иштван хранит свои травы, записи и разные магические штучки, о назначении которых Марго могла лишь строить догадки.

У нее все еще звенело в ушах, когда дверь снова распахнулась. Она подняла затуманенный взгляд на приближающуюся фигуру. Иштван рывком поднял ее на ноги. Схватив ее за волосы, запрокинул ей голову и попытался открыть рот. В его руке мелькнул темный пузырек. Яд! Марго брыкалась и вырывалась изо всех сил, но это было все равно что сражаться со скалой. Иштван зажал ей нос, и ей пришлось открыть рот, чтобы вдохнуть. По языку ударил приторно-сладкий вкус. Марго беспомощно хрипела, глотая новые порции яда, которые стекали в желудок обжигающе-ледяными струями. Он держал ее, пока не опорожнил ей в рот весь пузырек. Потом схватил ее под мышки и потащил вниз. Живот залила ужасная боль. Казалось, проглоченная жидкость растворяет его. К горлу подкатила тошнота. Марго захрипела и попыталась засунуть в рот пальцы. И тогда Иштван остановился, зажал ей рот и выждал, пока она не сглотнет. Ноги ослабели, тело затрясла дрожь. В глаза ударил яркий свет. Далеко-далеко, будто на другой стороне времени, прозвучал голос:

– Добро пожаловать в рай!

Глава 6

Время утекало, словно вода сквозь пальцы – как всегда, когда торопишься. Моргану показалось, пролетел час, пока он приманивал взбунтовавшегося то ли от холода, то ли от усталости Даймона. Паршивец отбежал почти на милю и принципиально не желал возвращаться. Пришлось бежать за конем самому. Врата все еще хранили отзвук намерения девочки – слабый, как далекое эхо. Морган вошел в него, словно в водный поток, и позволил подхватить себя, как легкую лодчонку без весел и паруса.

Врата выплюнули его в спеленатую снежным покрывалом пустошь, ничем не отличающуюся от той, которую он мгновение назад покинул. Время здесь шло часа на два вперед – солнце склонилось над зарумянившимися сугробами, высматривая, в какой из них зарыться. Морган слез с коня, нагнулся. Вот они – следы, свежие и отчетливые, с отпечатками Манны, мороз даже не успел поглотить сероватый туман ее страха. А рядом утренние следы девочки-невидимки – она ступала точно по следам мужчины, судя по размеру ступни, ниже его ростом. Просто оттиски подошв на снегу... Иштван был бы идиотом, если бы не изготовил аналогичного оберега для себя. И во всей этой мешанине еще одни следы, неожиданно ставшие зловещими: небрежные, глубоко вдавленные в снег, какие остаются при беге – они вели от врат. Морган

взлетел в седло и галопом рванул вдоль цепочки следов.

Последние розовые брызги солнечных лучей сверкнули и растаяли на бирюзовых складках выстроенных морозом и ветром ледяных гор. Действительно замок. Великолепная маскировка! Жилище выдают лишь следы, которые за ночь занесет снегом. Голова кружилась от опьянения морозным воздухом и предвкушения схватки. Морган напряг внутреннее зрение, пытаясь поймать знакомое ощущение прохождения сквозь воду. И вдруг почувствовал нечто, заставившее его перейти на рысь, а потом на шаг. Крохотный, едва уловимый огонек угасающей жизни... Он мерцал ниже уровня земли и совсем не в той стороне, куда вели следы.

«О Боги... НЕТ!»

Морган в растерянности натянул поводья. Сегодня явно не его день. Стиснув зубы, он бросил безнадежный взгляд на крепость самозванного короля Ледяшки, до которой оставалась какая-то жалкая сотня ярдов.

«Будь ты проклят, Иштван! Будь ты трижды проклят!»

И погнал коня западнее.

На дно длинного узкого ледяного ущелья Морган приземлился, увязнув по бедра. Промелькнуло запоздалое опасение, что снежное покрывало могло преподнести сюрприз в виде острых камней или ледяных глыб. Пропахав собой борозду в целине, он добрался до тела. Девочка лежала навзничь. Морган перевернул ее на спину и в изумлении осел на снег.

Вовсе это не ребенок. Юная, но вполне зрелая и соблазнительно округлая там, где следует. С толку сбила изящная миниатюрная фигурка. Длинное черное платье с расклешенным рукавом и глубоким полукруглым декольте напоминало погребальный саван. Шляпка и плащ куда-то исчезли. Морган в жизни не видел, чтобы грубые сапоги надевали с нарядным платьем, однако, полюбовавшись на это безумное сочетание, нашел его интригующим. Он осторожно убрал с лица девушки кудряшки цвета спелой пшеницы, стряхнул с них снег. И встретился с застывшими, ненормально расширенными зрачками. Дыхание прервалось. Морган отвел взгляд, а потом закрыл ей веки, чтобы заглушить вырывающийся из глаз всплеск отчаяния. Такой знакомый... Который начинает метаться в голове, как в стенах ущелья, стоит звукам дня затихнуть. Душераздирающий крик жены, когда их руки расцепились на веревочном мостике над пропастью.

«Ту жизнь я упустил, у этой – еще есть шанс».

Контакт с Манной девушки вызвал ощущение тошноты. Кости целы. Губы и подбородок в крови, но кровь шла только из носа, и она приземлилась лицом вниз, поэтому не захлебнулась. Легкое сотрясение мозга и синяк на скуле – вот и все повреждения. Если не считать неизвестного яда, угнетающего жизненные процессы... Дыхание слишком редкое, чтобы поддерживать сердце. Морган взял в руку окоченевшую ладонь с тонкими пальчиками. Кольца на каждом, включая большой, – все золотые. Нет, это не амулеты. Ничьих отпе-

чатков, кроме ее собственных. Нигде. Чисто работает, гаде-
ныш!

Тошнота усилилась, когда Морган направил свою Манну в тело девушки. Вообще-то соединяться с умирающим опасно: неизвестно, кто кого перетянет. В эту ловушку иногда попадают даже опытные целители. «Давай забудем о ловушках, малыш, и попробуем. Подыши со мной». Он сосредоточился. Ну же! Вдох... Второй... Третий... Грудь девушки начала ритмично подниматься, сердце и легкие заработали в унисон с его. «Вот так... Умница».

Руки тем временем снимали плащ и заворачивали в него находку. Она будет дышать его дыханием, и ее сердце будет заставлять биться его жизненная сила, пока они не доберутся до целителя. Если доберутся... Надо как-то протащить девушку мимо порталных дозорных. Огонек ее жизни еле тлеет – накинуть защитную сеть, и ее не заметят. Сейчас, когда нападения нечисти практически прекратились, на порталы отправляют либо молодых балбесов, которые и Асура-то с трудом опознают, либо в наказание за различные провинности – как правило, это те же самые балбесы. Двое под одной защитной сетью, один полумертвый, а другой просто наглец, – слишком сложная комбинация даже для того, чтобы допустить саму ее возможность. А вот тело... Девушка хоть и миниатюрная, в седельную сумку ее не запихнешь. Придется дожидаться темноты. Морган оглядел ущелье. Только не здесь. Иштвану ничего не стоит подойти к краю и с лен-

дой выпустить пару стрел. Странно, почему он до сих пор этого не сделал. Поджидает на пути к воротам? Слившись с девушкой, Морган не мог контролировать окружающее пространство. Все, что он чувствовал, – это ее состояние; мучительное эхо душераздирающей мольбы о жизни все еще трепетало в ней.

Ущелье было неглубоким, но пока Морган носком ботинка выдалбливал в плотном смерзшемся снегу импровизированные ступеньки, облака запеленали снежную равнину сумерками. Когда он выкарабкался на поверхность – чтобы освободить руки, девушку пришлось пристегнуть к себе ремнем, как заплечный мешок, – пустошь освещал лишь снег, в ночном мраке отражающий свечение проглядывающих кое-где низких звезд. Стало холоднее. В воздухе чувствовался легкий сладковатый привкус гари. Морган принюхался. Что может так гореть? Не похоже ни на дрова, ни на масло, ни на уголь. И махнул рукой. Что бы Иштван там ни жег, выбор сделан.

Даймон сразу пришел на голос – у бедняги уже не было сил играть в прятки и догонялки. Морган огляделся. Никого. Любопытно, ощущает ли его невидимка-Иштван? Так и не проявился. Алхимик проклятый! Предпочитает трусливо отсиживаться в стенах своей крепости. С досады, что не может разделаться с ним прямо сейчас, Морган яростно харкнул в сторону предположительного местонахождения подонка. Накачать молодую женщину ядом и выбросить как

мусор... Совершенно несвойственный мужчинам его народа поступок. Впрочем, поживешь с дикарями, сам в дикаря превратишься.

Морган расстегнул ремень, развернул бесчувственное тело, бережно перекинул через седло. «Потерпи, малыш». Из рукава платья выскользнул перевязанный лентой тугой рулон бумаги. Морган нагнулся за ним и, не разглядывая, сунул за пазуху. Он забрался на коня, устроил девушку у себя на бедрах. Ноздри наполнил аромат ее волос: несмотря на длительное пребывание среди вечных снегов, они пахли ромашками, клевером и донником. Закутываясь вместе с девушкой в плащ, Морган нечаянно задрал подол ее платья; ладонь наткнулась на голое бедро. Он машинально продвинул руку дальше. Пальцы скользнули по ягодице. По сравнению с этой нежной кожей шелк и бархат проигрывали. Морган никогда не был близок с чужачкой и отметил, что у женщин его народа кожа более грубая, обветренная. Прикосновения возбудили его, но усталость и чувство вины за влечение к этой полумертвой малютке не позволили огню разгореться. Руку он, однако, с ее бедра не убрал... так им обоим теплее.

Дома ночь разгонит всех по домам часа через два. К дикарям лучше не соваться. С хорошенькой юной дикаркой на руках он вызовет нездоровое любопытство: и у своих, патрулирующих врата, и у чужаков. Безопаснее всего пересидеть на Ледяшке же, на побережье. Опасаясь стрелы в спину, Морган гнал коня галопом и нырнул во врата, не останавли-

ваясь и не оглядываясь.

Побережье встретило порывом влажного морского ветра и протяжными криками чаек. Дышится здесь легче, мороз слабее, а день еще только начинает угасать. Удалившись от врат на расстояние чуть больше полета стрелы, Морган высмотрел свободный от снега пятачок земли. Он спешил к полыни. Ледяной, сводящей руку водой обмыл лицо девушки. Потом заставил Даймона улечься и устроился, прижавшись спиной к теплому боку коня, обнял девушку своим телом. В надежде отвлечься от мучительной тошноты, Морган зарылся лицом в шелковистые кудри, краем глаза приглядывая за вратами. Вдруг Иштван надумает отправиться по его следам? То, что подонок не воспользовался его уязвимостью, дал спокойно уйти – даже коня не украл! – вызывало тревогу и недоумение.

Это место гораздо более посещаемо, чем то, где Морган приводил в порядок нервы. Не из-за останков древних городов; их здесь нет – до катаклизма эта часть материка была океанским дном. Предметом интереса являются роскошные медвежьи шкурки, а также тюлений мех и жир. В молодости Морган и сам участвовал в охотничьих рейдах, добыл и собственноручно выделал две белые шкурки – жене, когда она забеременела, и ее семье, в качестве свадебного подарка. В городе, на базаре, если запастись терпением, можно получить за экзотическую шкуру кругленькую сумму. Так что в любой момент может нарисоваться компания алчущих. По

пути от врат Моргану на глаза попало несколько вырванных из снега и переломанных пополам колышков. Со времен его юности ничего не изменилось: одна компания охотников заявила свои права на территорию, а другая демонстративно послала их подальше. Молодежь, конечно. Годы приносят совсем другие заботы.

Завалить белого мишку, не попортив шкуры кровоподтеками, – целое искусство, совершенствующееся и поныне. Поначалу мишкам подбрасывали еду, обильно присыпанную порошком из высушенного ядовитого гриба, – он убивал за пару минут. Но мишки оказались сообразительными тварями и просекли подвох. Тогда к ядовитому угощению их стали приманивать, применяя Дар. Мишки раскрыли и эту хитрость; заведя всадников, они драпали со всех лап. И началась либо бешеная гонка с риском провалиться вместе с лошадью в сугроб или переломать кости, если она поскользнется на льду, либо игра – кто кого обдурит.

А между охотниками попутно шла своя война – за угоды. За сломанными колышками следовали драки с поножовщиной. Проклятие предков обнажало клыки, едва появлялся повод для соперничества. Оно прорывалось сквозь тысячелетия, сквозь сплывающие Суров оковы долга. Моргану не раз приходило в голову: не будь у потомков воинственных великанов общего врага, они повывели бы друг друга.

От тошноты не спасали ни воспоминания о бурной юности, ни морской воздух, ни восхитительный аромат светлых

кудрей, ни глубокое дыхание. Тело пыталось исторгнуть яд, атаке которого подвергалась Манна, и в конце концов взбунтовалось. В желудке не было ни крошки, и Морган вырвало какой-то мерзкой пестрой слизью. Облегчение было недолгим. Тошнота то накатывала, то отпускала. Следующий мучительный приступ рвоты наполнил рот обволакивающей горечью. Морган попробовал ослабить связь с девушкой, чтобы дать своему организму передых, а заодно сходить прополоскать рот, и ее дыхание моментально сбилось. Придется терпеть. Он стиснул зубы, чтобы они не стучали от сотрясающего его озноба.

«Сколько я протяну? Не будет ли слишком поздно, когда мы доберемся до Хары? И согласится ли она лечить дикарку? Согласится! Куда она денется?»

Сохранить девушке жизнь необходимо. Хотя бы ради информации. Раз уж Иштван упущен. Яд... Странный способ убийства. Не придушил, не зарезал. Хотел отвлечь от себя внимание? Зыбкий вариант: он бы не сработал, если бы нагрянул отряд. Но нагрянул один-единственный жалостливый болван... Морган почти слышал хохот невидимки у себя за спиной, победный и зловещий.

Второй час он отсчитывал по глубоким вдохам, уставившись в молочную завесу тумана, постепенно заволакивающую затянутый льдом океан, и время от времени заваливаясь на бок, чтобы извергнуть из себя желтую горечь. На ноги Морган поднялся с болью в желудке и ощущением, будто

выблевал все внутренности, а то, что осталось, – покрылось инеем.

И вот, наконец, родная пещера. Он упал в объятия летней ночи, словно в теплую постель. Шорох песка под копытами. Сырой затхлый воздух. Запах дыма и коптящейся рыбы. На краткий миг Морган открылся, чтобы позволить дозорным себя опознать. Часовые коротали ночь чуть правее входа в пещеру. Пламя, расшвыривая оранжевые искры, с алчным треском пожирало свежеподброшенный сушняк. Морган свернул в противоположную сторону, развернувшись к полулежащим фигурам спиной.

– Эй, ты в порядке? – Окликнувший его голос прозвучал обеспокоенно. И даже *слишком* обеспокоенно.

Морган поднял руку в приветствии и бросил не оборачиваясь:

– Мутит. Съел какую-то пакость. – Голоса дозорных быстро затихли, и Морган сделал вывод, что ребята не заподозрили, что за странный вытянутый сверток перекинут через его седло. Только бы не встретить по дороге кого-нибудь любопытнее.

Спускаясь зигзагами по усеянному валунами склону к редким в этот час огонькам поселка, Морган сосредоточил последние силы на том, чтобы не навернуться с лошади. К тошноте добавилось опасное ощущение падения в пустоту с беспорядочным кручением и верчением, как когда закрываешь глаза в состоянии глубокого алкогольного транса. Кру-

той спуск заканчивался в нескольких ярдах от реки. Здесь Морган, чувствуя дальнейший путь верхом рискованным, сполз с коня и, намотав на одну руку поводья, а другой бережно придерживая тело девушки, почти на ощупь двинулся по высокому каменистому берегу. Он так и не решил, под каким соусом преподнести Харе этот зловещий сюрприз. Если кого и можно обмануть, то только не целителя, а правда не настолько лицеприятна, чтобы озвучить ее прямо сейчас. Безусловно, его безумный поступок спишут на шок от гибели друга; максимум, что он получит, – упрек от Илласа за то, что не вызвал на Ледяшку отряд. Но забыть – не забудут. На свете существует множество вещей, которые, если их коллекционировать и время от времени выставлять на всеобщее обозрение, приносят нехилые дивиденды. И среди них – чужие промахи. Те, кому он когда-то вольно или невольно перешел дорогу, с жадностью набросятся на новый факт, подтверждающий, что эмоции у него мчатся впереди правил и здравого смысла.

Домашние запахи дыма, хвои и копченой рыбы вызвали у Моргана странную смесь облегчения и тревоги. Справа начался поселок. От круглых каменных хижин, обнаруживающих себя в темноте светлыми коническими крышами, его отделяла узенькая полоска редкого хвойного леса. На веревках, натянутых между деревьями, белело белье. Вдали промелькнул тусклый оранжевый огонек умирающего костра – кто-то припозднился с ужином. Летом печь топят редко, что-

бы сохранить в доме прохладу. Еду готовят во двореке, на каменном очаге, и вокруг него же трапезничают – тысячетный обычай, зародившийся вместе с расой Суrow.

Прежде чем вламываться к Харе, нелишне бы выяснить, не гостит ли у нее кто-нибудь из детей и в рейде ли муж – свидетели ни к чему. Попытка обращения к Дару вызвала головокружение. Очередной акт протеста организма яду заставил Моргана стать на четвереньки и в течение нескольких минут исторгать ужасные звуки; впрочем, в это время года и суток они не являлись чем-то сверхъестественным. Отдышавшись, Морган оттолкнулся от камней. Пальцы нащупали стремленные ремни, крепко ухватились за них.

«Спасибо, друг, что ты здесь!»

Цепляясь за сбрую, он разогнулся, проверил, на месте ли его хрупкий груз, и шаг за шагом побрел дальше. Осталось всего ничего. Есть твердая земля, которая должна оставаться под ногами, и есть жизнь, которая должна продолжаться.

Возле расколотого молнией огромного кедра Морган свернул направо. Обе хижины Хары – жилая и медицинская – тонули во тьме. Пока он привязывал коня и перемещал девушку с седла на руки, в жилой вспыхнул свет, а сама цельница появилась на пороге и застыла, скрестив руки на груди и прислонившись плечом к косяку. Уже что-то разглядела. Чувствуя себя как дичь перед разделкой, Морган убрал защитную сеть и тотчас уловил всплеск изумления, смешанного... С чем? Он не был точно уверен – Хара мгновенно

загасила эмоции, – но больше всего это походило на азарт юного воина, бросающегося с обнаженным клинком на первого в своей жизни прета. Зацепило?

Сделав вид, что ничего особенного не происходит, Морган протопал к соседней хижине, поддел ногой дверь. Мрачное молчание целительницы давило затылок. Он на ощупь нашел койку, куда неоднократно сгружали с носилок его самого, уложил девушку. Тьму рассеяло теплое сияние масляной лампы. Привалившись к стене, чтобы не упасть, Морган вперился в целительницу невинным взглядом.

Небрежным движением Хара откинула край плаща и вздохнула:

– Тебя по пути сюда не ударило камнем по голове? Сколько раз ты сам предупреждал молодежь, что дикарей мы оставляем по ту сторону врат? Лучшее, что мы можем для нее сделать, – это ускорить ее встречу с Богами.

– Ты предлагаешь мне ее прикончить? – Сузив глаза, Морган скрестил руки на груди. – Или, может, ты сама?.. – Он помолчал и, не дождавшись ответа, медленно процедил сквозь зубы: – Наш долг – *защитить* этих людей.

– И защищать мир от их варварства.

– Кого мы будем защищать, если всех поубиваем? И что станет после этого с нами? – Он в бессилии опустил на корточки. – У меня нет аргументов, Хара. Я просто прошу тебя помочь. Это не похоже ни на змеиный яд, ни на пищевое отравление. Меня третий час выворачивает наизнанку.

«Кончай делать безразличное лицо, тетя Хара. Ты же сгораешь от любопытства».

– Конечно, в твоей глупой голове нет аргументов, – с сарказмом согласилась Хара. – Откуда им там взяться, если они все болтаются тремя футами ниже? Вечно ищите приключений. До сих пор не пойму: то ли воинами становятся те, у кого изначально нет мозгов, то ли вы их растрясаете, гоняясь за претами. Уж от тебя-то я такого не ожидала.

Морган покорно молчал, предоставляя своей двоюродной тетке, бывшей, когда он родился, уже толковым подмастерьем, возможность воспользоваться своим гипотетическим правом воспитывать его. Хара отвернулась к шкафчику с лекарствами.

– Я начинаю понимать Ирию. Раньше я во многом осуждала твою мать, а теперь я ей сочувствую. Укус змеи, пищевое отравление... – Морган скрыл победную улыбку, увидев, как на подоконнике появляются стеклянные бутылочки с кожаными пробками и плоские деревянные коробочки. – Да, не похоже. Зато очень похоже, что девчонка наелась каких-то дрянных грибов. – Исчезни.

Морган не сдвинулся ни на дюйм.

– Нельзя ли мне...

– Вон отсюда!

Он закусил губу, но подчинился, оставив дверь приоткрытой.

– У тебя плохо со слухом? – донеслось вдогонку. – Выйди

весь! Я не притронусь к девчонке, пока ты от нее не отлипнешь.

Морган слонялся по дворику, пока не почувствовал, что еще шаг, и он рухнет от слабости. Он уселся на камень лицом к реке, согнувшись и обхватив руками живот. Глубоко втянул в себя ночной воздух, пропитанный запахом рыбы и мокрых камней. Желудок все еще болел, кожа была холодной и липкой, но тошнота и головокружение прекратились. Ветер доносил из темноты ровный шум бурлящей воды; сквозь него прорывался далекий гомон голосов и обрывки пения. На противоположном берегу, на фоне неба чернели очертания гор – их складчатые склоны, поросшие пучками травы и редкими куцыми елями, сбегали к самой воде. В этом месте Ивинг образовывал плес с почти незаметным течением и маленькими песчаными пляжиками, словно специально созданными природой для любовных утех. По негласному соглашению пляжики поделены между кланами. Число кланов превосходит количество пляжиков, поэтому война за прибрежные романтические уголки не прекращается – осенью ее остужают холода, а с приходом лета пляжные страсти, подогреваемые новыми романами, вспыхивают вновь, доходя до драк.

Теперь, когда девушка в надежных руках, Морган снова мог рассредоточить внутреннее внимание и видеть, что творится дальше чем в паре шагов от него.

«Свидетели нам ни к чему».

Пляжики пока пустуют – ночь прохладная. Но вдруг кого нелегкая принесет. Или *принесут*. Раннее лето дурманит юные головы, рождает в них иллюзию всемогущества, из-за чего обладатели оных по вечерам вступают в бой с морошковым вином. И нередко оказываются противником побиваемы. Если друзья в состоянии доволочь поверженного бойца до целителя, бедолага заканчивает пирушку в образе ежа. Целители из принципа не приводят таких ребят в чувство манипуляциями с Манной; им всаживают в спину двадцать серебряных игл, а рядом с койкой ставят тазик. Чтоб неповадно было на будущее.

Ниже по течению, обогнув поселок, река низвергалась в порог. Порог прозвали Дровосеком. Мощный треугольный слив в восемь ярдов шириной закручивал внизу воду бочкой, образуя коварный участок с обратным течением. Но главная опасность, за которую порог и получил свое название, таилась в выходной шивере. Проход по ней перевернутым каяком обычно оказывался для судна последним, что прошлым летом в тысячный раз за историю поселка доказала Имандра. Мать ворчала весь вечер, а Морган молча улыбался сестре, вспоминая, как подростком угробил один за другим три отцовских каяка.

За полем острозубых подводных валунов река разбегалась на два рукава. Лодочные останки, которые удавалось выловить, стаскивали на длинный узкий остров между рукавами:

высыхая, они шли на дрова для пикников. Именно оттуда доносятся смех и песни – к утру они обычно переходят в нечленораздельные вопли.

«Среди этих ребят могла бы быть и моя дочь...»

Морган до хруста сжал пальцы. Трудно сказать, что мучительнее – думать о том, что безвозвратно утеряно, или блевать желчью. Мучительнее всего сидеть и ждать.

Он сбежал от непрошенных воспоминаний в бумаги, выпавшие из рукава девушки, – дюжины две листов пергамента, исписанные ровным аккуратным почерком. Перебрал, подержал каждый на ладони. И снова только ее отпечатки. Вторая луна еще не взошла, туслый свет единственного серпика не позволял разобрать слова. Можно развести огонь в очаге, но свеча конечно же удобнее... ведь за ней надо идти в хижину.

– Я за огоньком, – вполголоса объявил Морган с порога и, затаив дыхание, навис над плечом Хары.

Нагая, прикрытая по пояс простыней девушка лежала на животе. Лицо закрывали волосы. В изголовье горело с десятков свечей – они трещали так, будто их брызгают водой. Из поясницы, правого предплечья и правой кисти торчали черные наконечники золотых игл – дюжины три, не меньше. И Хара продолжала вводить новые – в другую кисть. От такого количества и мертвец бы уже взвыл. А она по-прежнему без сознания... Паршиво.

– Ты уверена, что это поможет? – спросил он обеспокоен-

но.

На этот раз его не стали просить покинуть помещение. Хара невозмутимо всадила бедняжке еще три иглы, вытерла руки, потом схватила Моргана за рукав и вытолкнула во двор.

– Думай, как повезешь ее обратно!

Обратно... Ага, значит, небезнадежно! Напряжение схлынуло. Морган сел, привалившись к двери спиной. Скатал листы в трубочку, перевязал, как было у хозяйки, и запихнул за пояс, под рубашку. Будет еще время ознакомиться. И стал ждать.

Немного погодя из хижины донеслось негромкое монотонное пение. Хара напевала исцеляющую мантру, где на языке древних Асуров, по преданию восходящему к языку Дэвов, призывались силы стихии Огня. И как только Дэвы умудрились заключить энергию солнца и звезд, горячеедыхание вулканов и с клочкотом вырывающихся из-под земли гейзеров в двадцать шесть слов... Дар Хары высвобождал эти энергии, и звездное пламя изливалось из ее рук в тело девушки. Морган неслышно переместился по другую сторону двери. Теперь, когда Хара вошла в транс, она его не выгонит.

Морган запрокинул голову и сквозь опущенные ресницы наблюдал, как руки целительницы в такт мантре плавно танцуют в переливающихся всеми цветами радуги потоках Манны. Его охватил трепет. Магия живого мира, бесценный дар Богов – ничто не идет в сравнение с ней. Только ради то-

го, чтобы увидеть это великолепие, стоило родиться на свет. Обе женщины пребывали в Долине гейзеров, точнее, Хара каким-то образом перетащила гейзеры в эту маленькую комнатушку и погрузила больную в кипящие источники. Морган впервые наблюдал такую процедуру. Опыты проводит, что ли?

Вскоре он почувствовал себя как в парной и вынужден был снять рубашку. Хара запела другую мантру. Освободенная сила взорвалась волной влажного горячего воздуха, будто на раскаленные камни бухнули ведро воды. Дыхание перехватило. Морган хотел отползти, и не смог. Физическое тело отключилось — он даже не заметил, в какой момент это произошло; бодрствовал лишь Дар. Живое, искрящееся нежным золотом кружево Мантры Зарождения Огня Жизни, прекраснейшей из мантр, оплело его со всех сторон. Свет и пение переплетались, их красота раздирала сердце на части. Ядовитые заклятья Иштвана побеждены?

Пить хочется... Морган открыл глаза. Гейзеров уже не было. Хара нараспев перечисляла имена стихий и Богов. Все четыре стихии и трех Богов призывают, когда лечение завершено и остается сбалансировать ауру. Морган наблюдал это сотни раз, и все же, отодвинув на второй план потребности тела, залюбовался, как слова Живого языка заставляют каждый поток энергии вихриться в нужном направлении. Примерно так плетут корзины: каждый ивовый прутик под умелыми пальцами ложится как надо, и все прутики каким-то

чудесным образом складываются в нужную форму. Приземленное сравнение, но другого на ум не приходит.

Дождавшись, когда пение затихнет, Морган промокнул рубашкой лицо и грудь, поднялся на ноги, пошатываясь от окутавшей тело приятной расслабленности. Как она? Все еще бледная, но зловещие тени вокруг глаз исчезли, а губы порозовели. И дышит – мерно и глубоко, как во сне. Хара с торжествующей усмешкой наблюдала за ним. Ее лицо осунилось от усталости, но глаза сияли как звезды.

– Летаешь, повелитель стихий?

Морган уселся на пол напротив целительницы.

Хара протянула ему кружку с ярко-зеленым настоем, из которой только что отхлебнула сама.

– У малышки завидная выживаемость. Как и у всякого сорняка.

– Чтобы выдержать твоё лечение, *надо* обладать завидной выживаемостью. Удивительно, как она не превратилась в кусок отварного мяса. Ты что, согнала сюда все элементарное население Долины гейзеров?

– Если бы элементарии могли лечить, дорогой мой, на свете не было бы целителей. И нечего язвить – для этого у тебя есть матушка. Девчонка проспит еще часа полтора. За это время ты должен ее отсюда убрать. Меня вот что смущает, Морган: я знаю всего одно место, где сейчас можно так обморозиться. И оно мне не нравится. – Хара замолчала.

Морган уткнулся в кружку. Не дождавшись объяснений,

целительница продолжила:

– Впервые встречаю такой яд: не убивает, но замедляет жизненные процессы до предельно допустимого минимума, вводит в летаргический сон. Не отказалась бы побеседовать с создателем этой пакости.

– Ах... Вы, безусловно, близки по духу, – пробормотал Морган. – Он создает новые яды, а ты – новые методы лечения. Почему бы вам не объединиться для совместных опытов на дикарях? – Наступила гнетущая тишина. Продолжая ощущать на себе пронзительный взгляд целительницы, Морган вскинул голову и беспомощно взмахнул руками. – Ждешь, что я опровергну твои худшие подозрения? История плохо пахнет.

Хара забрала у него кружку и залпом прикончила остатки.

– Да она просто воняет. И ты, вместо того чтобы поставить в известность Илласа, сидишь передо мной с идиотской физиономией и корчишь из себя шута. Не понимаю, кому ты пытаешься дурить голову – мне или самому себе, – добавила она со вздохом.

Губы Моргана против его воли дрогнули в улыбке.

– Хара?

– Что?

– Отвлеки дозорных.

– На острове полно народу, – проворчала Хара.

Победно скалясь, Морган наблюдал, как она распускает и вновь скручивает в узел свои длинные пепельные волосы,

накидывает поверх рубашки безрукавку из оленьей кожи. –
Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, что будет, если тебя
с ней заметят.

– На острове к этому часу не бывает трезвых.

Глава 7

Снова потянулось ожидание – менее тягостное, но требующее напряженной работы Дара. Нужно и скрывать девушку защитной сетью, чтобы те, кому не спится, не заметили чужачку – есть любители шпионить за всеми, а потом распускать нелецеприятные слухи, – и периодически делать пробежки с Хары на три приближающихся огонька. Огоньки отделились от компании таких же огоньков на берегу, возле Дровосека; их болтало из стороны в сторону, двигались они медленно, но целенаправленно. Когда расстояние между хижинкой Хары и парнями сократилось до двух сотен ярдов, стало ясно, что двое из них просто пьяны, а третий или неудачно упал, или кого-то сильно разозлил, и путь они держат сюда. Пора уходить. Где там дозорные? Еще у врат. А Хара спускается к реке. Что-то она придумала, чтобы снять их с поста... Морган осторожно перевалил девушку на плещ. Мягкий, ароматный сверток уютно угнездился у него на руках. Теперь, когда девушка согрелась, ее восхитительная кожа наверняка стала еще нежнее. Проверить Морган не решился: если она вдруг очнется раньше времени, не объяснит же он присутствие своей руки под ее платьем чистой случайностью.

Ко времени, когда он добрал до крайних хижин поселка – хотелось бы верить, никем не замеченный, – Хара и дозор-

ные поменялись местами. Ребята отделились на порядочное расстояние, но Дар у обоих сильный. Если часть их внимания по-прежнему сосредоточена на вратах, отзвук они почувствуют. Это может вызвать... недоумение.

«Не ускоряй шаг. Не делай резких движений. Просто иди. В любом случае объясняться будешь потом».

Худошавая плоская фигура целительницы темнела на холме, на фоне костра.

– Эй! Шевели ногами!

Недовольный окрик заставил Моргана двигаться быстрее.

– Чем заняты наши доблестные часовые? – любопытствовал он, выбравшись на утопанную тысячами ног и конских копыт ровную площадку.

– Ловят *случайно* упущенную лодку. – Хара подтолкнула его в спину. – Шагай, шагай! Ползешь как слизняк. И как же ты собираешься объясняться с дозорными на *той* стороне, хотела бы я знать.

Вот зловредная тетка. Не может напоследок не подковырнуть. Поганный язык – характерная черта всех его родичей. Морган не собирался объясняться с охраной вообще. Сторожевые лагеря разбивают не у самых врат, а чуть поодаль, из соображений безопасности, обычно в лесу, чтобы не пугать дикарей, и реагируют только на нечисть. Вынырнув из врат, он спокойно двинется в противоположном лагерью направлении, а вернется уже один, вместо девушки с ним будет информация о ее бывшем дружке. Кстати...

– Хара, – Морган оглянулся через плечо, – на ней были чьи-нибудь отпечатки?

– Полно. И все твои.

Морган пропустил колкость мимо ушей.

– Я имел в виду давние, которых мой Дар не улавливает.

Они остановились перед входом в пещеру. Хара привалилась к каменному своду, скрестив руки на груди. На ее лице заиграла едкая полуулыбочка.

– В последние два месяца она ни с кем не спала. А до того... – Она пожала плечами. – Кто ж тебе скажет, кроме нее самой?

«Чтоб тебя!...»

Не то чтобы Моргана данный вопрос не интересовал совсем. На краткий миг он даже ощутил радость, которую тут же смыла настораживающая мысль: зачем тогда этот подонек держал девочку при себе?

– Прекрати. Я знаю ее всего несколько часов.

– Несколько часов... Что же будет через несколько дней, – пробормотала Хара. – Все! Чтоб я ее больше не видела. Девочка должна исчезнуть. Не знаю, как ты поступишь, Морган, но если к ней прикоснется целитель или кто-нибудь... – По ее Манне пробежала едва заметная рябь тревоги.

– Что тогда? – Морган застыл, с интересом наклонив голову.

Хара сделала глубокий вдох, но просто выдохнула воздух. В устремленных на него темных провалах глаз бились огонь-

ки костра.

– Надеюсь, ты решишь эту проблему с *минимумом неудобств для всех*. Напоишь ее, как только проснется.

Морган принял из ее рук кожаную фляжку, небрежно встряхнул.

– Это поможет мне свести к минимуму неудобства?

Хара покачала головой, неодобрительно поджав губы.

– Дурак. – И быстрым шагом направилась к костру дожидаться дозорных, которых ей временно придется замещать.

Глухая тьма пещеры приняла Моргана как в мешок. Место назначения... монастырь? Девушку нужно передать в руки ее близким, кем бы они ни были. К его услугам любые из шестнадцати врат. Север и северо-запад Морган отмел – там его знают. Но она едва ли с севера родом, на севере девушки поярнее и костью пошире. И не с юга. У южан говор другой и смуглая кожа. Где-то посередине... Пускай будет запад, Гиадалия.

Тело сотрясали волны дрожи, исходящие из солнечного сплетения. Каменную поверхность под ногами сменил мягкий мох. Морган открыл глаза. Он всегда закрывал их, проходя врата, чтобы избежать тошнотворного головокружения. Вокруг царила влажная предрассветная прохлада. Деревья, словно зачарованные, застыли в серебристой дымке. Над полем, расколотым надвое грязной, покрытой лужами и следами копыт извилистой колеей, лежали полосы тумана. Правее, на пологом холме темнели крыши деревни. С тех пор

как Морган в последний раз был в этих местах лет десять назад, деревня разрослась вширь: бывшая некогда на окраине черточка храма теперь белела посередине. Здесь же, в каменном круге, которым кто-то от безделья обозначил врата, Морган закутал девушку в спальный мешок. Мысленно извинившись перед ней, уложил поперек седла и, озираясь по сторонам, пошел через поле.

Где же пресловутая охрана? На вызванное им возмущение пространства до сих пор никто не откликнулся. Морган из любопытства снял защитную сеть. Дозорные нашлись ярдах в ста, в уютном овражке. Пользуясь предрассветным затишьем, двое парней в компании единственной дамы замещали свои обязанности более приятным и энергичным занятием.

«Ай, какие же вы молодцы, ребята! И куда смотрят ваши командиры?»

Дар одного из парней, запоздало среагировав на появление незнакомца, в панике метнулся к Моргану. Паниковать было из-за чего. Так ведут себя Асуры: в одиночку выскальзывают в сумерках из врат, чтобы напасть на спящий лагерь. Прежде чем снова закрыться, Морган позволил убедиться, что он свой, послав безмолвное «привет». На том интерес к нему иссяк.

«А если бы вместо меня был Асур-невидимка?»

Он повел плечами, прогоняя дрожь. Безмятежный покой раннего утра вдруг стал зловещим.

Покинув хорошо просматривающееся пространство, Морган остановился, чтобы сесть на лошадь. Он уже вставил ногу в стремя, когда взгляд поймал движение впереди, за деревьями. Лысеющий коренастый мужчина собирал на опушке травы, складывая их в холщовый мешочек. Проклятье! Еще один. Так увлекся троицей в овраге, что прошляпил его. Сворачивать поздно. Дозорный выпрямился и приветливо помахал рукой. Что ж, лучшая защита – нападение. Морган решительно двинулся навстречу.

– Тишь да гладь у вас, смотрю. Давно не трясло?

Мужчина сделал неопределенный жест в направлении оврага.

– Это моя дочь, – пояснил он отчасти виновато, отчасти с гордостью. – Детям иногда полезно размяться. – Теребя в руках мешочек, он обнажил зубы в широкой обезоруживающей улыбке.

– Конечно. – Морган вернул ему улыбку. – Чем бросаться друг на друга с ножами.

Оба мгновение помолчали. Мужчина со смешком кивнул на перекинутый через седло сверток:

– Удобный способ перевозки.

– Весьма, – подтвердил Морган.

Руки обоих одновременно протянулись, чтобы сжать кисти другого. Выражение облегчения на лице мужчины граничило с триумфом. А потом каждый пошел своей дорогой, изгладив из памяти, один – непозволительное легкомыслие

охраны, другой – одиночку со странным грузом, отправившегося в неизвестном направлении с неведомой целью.

За полосой леса Морган продолжил путь верхом, по ровной утоптанной дорожке, ведущей через холмы, в сторону от деревни. Девушка сладко посапывала в его объятиях. В неподвижном воздухе разливался аромат скошенной травы. Сжимающие виски и лоб тугие тиски понемногу отпускали, и на месте напряжения проступала усталость. Пришлось насильно отгонять мысли об отдыхе, мотать головой и моргать. Тело вдруг вспомнило, что давно не мылось, и начало дико чесаться. Бросив взгляд на свою одежду, Морган испытал неловкость. Грязь засохла. Бурые пятна на штанах незаметны, а на рубашке недвусмысленно выдают свое происхождение. И вонь, будто он несколько дней валялся среди гниющих отбросов.

Обследование местности Даром не принесло утешения: ни ручья, ни пруда поблизости – как назло. Морган свернул в лес, высматривая укромное местечко, чтобы привести себя в порядок. Пару месяцев назад он видел в своей седельной сумке пузырек с душистым маслом. Есть вероятность, что он все еще там. Через некоторое время Морган выбрался на небольшую полянку, где его не могли ни увидеть, ни услышать с дороги. Почему бы не задержаться здесь? От лагеря он отъехал достаточно далеко. Вдруг, когда девушка проснется, ей будет плохо? Зачем-то же Хара дала фляжку со снабьем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.